

Ижо Аберкромби

Последний
говог
королей

Первый закон. Книга III

Annotation

Джезаль дан Луфар, воин, сопровождавший верховного мага Байяза в его путешествии на край мира за магическим оружием, способным остановить зло, наконец-то возвращается в Адую. В столице его поджидает новость: после смерти старого короля неожиданно выяснилось, что Джезаль – его незаконнорожденный сын и единственный наследник престола. Но трон и власть не приносят воину счастья. На страну нападают гурки, после страшных боев столица лежит в развалинах, а магическое оружие, которое они добыли с большим трудом, опасно действует на людей. К тому же верховный маг, похоже, претендует на то, чтобы править Союзом единолично. Тогда-то и обращается взор нового короля на Север, где царствует его верный друг Логен Девятипалый по прозвищу Девять Смертей...

Джо Абберкромби

Последний довод королей

Посвящается четырем читателям – вы знаете, кто вы.

Часть I

Жизнь как она есть — всего лишь мечта об отмищении.

Поль Гоген

Наставник Глокта стоял в зале и ждал. Он вытянул свою искривленную шею сначала в одну сторону, потом в другую, прислушиваясь к знакомому потрескиванию связок. Привычная боль пронизывала мускулы между лопатками.

«Зачем я так делаю, если это причиняет мне боль? Почему нас всегда тянет проверить, болит или нет? Прикоснуться языком к язве, потрогать ожог, скovyрнуть болячку?»

– Ну? – резко спросил он.

Мраморный бюст у лестницы хранил презрительное молчание.

«Пожалуй, с меня хватит».

Глокта зашаркал по плитам. Он волочил изувеченную, совершенно бесполезную ногу, стук трости отдавался эхом под высокими сводами, украшенными лепниной. Когда лорд Ингелстад, владелец этого огромного зала, присоединился к благородным мужам на Открытом совете, сам он был маленьким человеком в прямом смысле. Глава семейства, чье состояние за прошедшие годы уменьшилось, а благополучие и влияние сошли на нет.

«Чем ничтожнее человек, тем более раздуты его амбиции. Неужели трудно понять? Мелкое кажется еще мельче на больших пространствах».

Где-то в полутьме пробили часы, как будто выплюнув несколько вялых ударов.

«Хорошо, но уже поздно. Чем ничтожнее человек, тем приятнее ему, когда его ждут. Но если нужно, я могу проявить терпение. Мне нет необходимости спешить на пышные банкеты, вокруг меня не теснятся возбужденные толпы народа, прекрасные женщины не поджидают, затаив дыхание, моего появления. Больше ничего этого нет. Гурки позаботились обо мне в темноте императорских подвалов».

Он прижал язык к беззубым деснам и охнул, подвинув ногу – точно иголки вонзились ему в спину, и веко задержалось от боли.

«Я умею быть терпеливым. Когда каждый шаг становится испытанием, быстро учишься двигаться с осторожностью».

Дверь рядом с ним резко распахнулась. Глокта повернулся, стараясь скрыть гримасу боли, когда его шея хрустнула. На пороге стоял лорд Ингелстад – полный, по-отечески добродушный мужчина с румяным лицом. Он одарил Глоктu дружелюбной улыбкой, приглашая пройти в комнату.

«Словно это частный визит и я долгожданный гость».

– Должен извиниться за то, что заставил вас ждать, наставник. После приезда в Адую у меня столько посетителей! Голова кругом идет.

«Будем надеяться, твоя шея не свернется окончательно».

– Очень, очень много посетителей!

«И без сомнения, все с выгодными предложениями. За голос при голосовании. За помощь в выборах нашего нового короля. Но мое предложение, полагаю, тебе будет трудновато отклонить. И больно».

– Немного вина, наставник?

– Нет, милорд, благодарю. – Глокта, болезненно прихрамывая, перебрался через порог. – Я не задержусь у вас. У меня тоже много дел, требующих внимания.

«Выборы не происходят сами собой, разве не знаешь?»

– Конечно, конечно. Пожалуйста, присаживайтесь.

С завидной легкостью Ингелстад уселся и указал Глокте на соседнее кресло. Наставник осторожно опустился в него. Ему потребовалось время, чтобы найти положение, в котором спина не докучала постоянной болью.

— А что вы хотели обсудить со мной?

— Я пришел от имени архилектора Сульта. Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу прямо: его преосвященство нуждается в вашем голосе.

Крупные черты лица вельможи скривились в гримасе притворного удивления.

«Уж слишком наигранно».

— Я не уверен, что понял вас. Нуждается в моем голосе — по какому вопросу?

Глокта вытер капельки влаги, выступившие под слезящимся глазом.

«К чему это недостойное виляние? Мы же не собираемся вальсировать. У тебя для такого дела неподходящее сложение, а у меня нет ног».

— По вопросу нового короля, лорд Ингелстад.

— Ах, вот что.

«Да, вот что. Идиот».

— Наставник Глокта, я смею думать, что не разочарую вас или его преосвященство, к которому я отношусь с глубочайшим уважением... — Он склонил голову, дабы продемонстрировать свое почтение. — Но совесть не позволяет мне допустить, чтобы на меня влияли с какой бы то ни было стороны. Полагаю, что я и все другие члены Открытого совета наделены священным доверием. И я обязан отдать свой голос за того, кто представляется мне наилучшим кандидатом из множества весьма достойных мужей.

Он усмехнулся, явно довольный собой.

«Душевная речь. Но даже деревенский болван вряд ли поверит в это. Сколько раз мне приходилось слышать подобное за последние недели? Как правило, после такого вступления наступает черед торгов. Обсуждение того, сколько в точности стоит «священное доверие». Сколько серебра перетянет эту самую совесть. Сколько золота потребуется, чтобы разорвать узы долга. Но у меня сегодня нет никакого желания торговаться».

Глокта высоко поднял брови.

— Я должен поздравить вас, лорд Ингелстад, это очень достойная позиция. Если бы все обладали таким же благородством, наш мир был бы гораздо лучше. Ваши убеждения... тем более, когда вы столько можете потерять. Когда вы можете потерять все. — Он сморщился, взял трость в одну руку и, преодолевая боль, придвинулся к краю кресла. — Однако я вижу, что вы непреклонны, и ухожу.

— Что вы имеете в виду, наставник?

Озабоченность явно читалась на пухлом лице вельможи.

— Ну, некоторые ваши делишки, связанные с коррупцией, лорд Ингелстад.

Розовые щеки лорда разом поблекли.

— Здесь, должно быть, какая-то ошибка.

— О нет. Уверяю вас. — Глокта вытащил листки с признательными показаниями из внутреннего кармана камзола. — Ваше имя довольно часто упоминается в признаниях торговцев шелком, особенно старших членов гильдии. Очень часто.

Наставник протянул руку с шелестящими листками бумаги, чтобы оба могли видеть их.

— Здесь вас называют — поверьте, не я выбрал такое слово — прямым соучастником. Главным бенефициарием, то есть получателем выгоды от самой отвратительной контрабандистской операции. А здесь, сами можете заметить, и мне даже неловко

упоминать об этом, ваше имя и слово «предательство» стоят в самой непосредственной близости.

Ингелстад обмяк в кресле, откинувшись назад, и опрокинул бокал с вином, стоявший рядом на столе. Капли темно-красной жидкости пролились на отполированный пол.

«О, надо бы их вытереть. Не то останется отвратительное пятно, а от таких пятен невозможно избавиться».

– Его преосвященство, – продолжал Глокта, – считает вас своим другом. Он постарался, чтобы ваше имя не упоминалось в черновых документах. Он понимает, что вы лишь старались предотвратить разорение своей семьи, и сочувствует вам. Если же вы разочаруете его во время голосования, боюсь, его сочувствие и симпатия к вам иссякнут. Вы понимаете, что я имею в виду?

«По-моему, я выразился абсолютно ясно».

– Да, конечно, – прохрипел Ингелстад.

«А как же узы долга? Теперь они ослабли?»

Благородный муж занервничал и побледнел.

– Я бы ни на миг не задумался и посодействовал его преосвященству любым возможным образом, но... Дело в том...

«Что еще? Какое-то новое предложение? Это бесперспективная сделка? Или даже призыв к моей совести?»

– Вчера ко мне приходил представитель верховного судьи Маровии. Некто по имени Харлен Морроу. Он предъявил мне почти такие же претензии и... точно так же угрожал мне.

Глокта нахмурился.

«Неужели опять? Маровия и его мерзкий червяк. Всегда на шаг впереди или на шаг позади. Все время дышат в затылок».

– Так что мне прикажете делать? – В голосе Ингелстада послышались визгливые нотки. – Я не могу поддержать вас обоих. Я покину Адую, наставник, и никогда не вернусь сюда. Я вообще воздержусь от голосования.

– Ты не подложишь мне такую свинью! – прошипел Глокта. – Ты проголосуешь так, как я скажу, а Маровия пусть катится ко всем чертям.

«Еще одно усилие? Конечно, неприятно, но пусть будет так. Разве мои руки уже не замараны по локоть? Влезть в одну или в две сточные канавы – какая разница?»

– Вчера, – Глокта понизил голос и заговорил мягко и вкрадчиво, так урчит кошка, – я смотрел на ваших дочерей в парке.

Лицо Ингелстада помертвело.

– Три юных непорочных существа, три нежных бутона, которые вот-вот раскроются. Одеты по последней моде, одна прелестнее другой. Самой младшей... лет пятнадцать?

– Тринадцать, – прохрипел Ингелстад.

– Ах, вот как. – Глокта растянул губы в улыбке, показывая беззубые десны. – Она так рано расцвела. Ведь ваши дочери прежде не посещали Адую, если я не ошибаюсь?

– Не посещали, – еле слышно ответил лорд.

– Полагаю, так и есть. Когда они прогуливались по садам Агрионта, их возбуждение и восторг были просто очаровательны. Готов поклясться, на них уже обратил внимание не один завидный жених в столице. – Улыбка Глокты медленно погасла. – Мне будет больно, лорд Ингелстад, если этих нежных прелестных созданий схватят и они окажутся в одном из самых суровых исправительных заведений Инглии. Там, где красота и изысканные манеры

привлекают к себе внимание совсем иного рода. – Медленно наклонившись вперед, Глокта перешел на шепот и постарался придать своему голосу оттенок ужаса. – Такой жизни я не пожелал бы и собаке. И все по глупой неосмотрительности их отца, вполне способного это предотвратить.

– Но мои дочери... Их никак не касается...

– Мы выбираем нового короля! Это касается всех!

«Слишком жестко, возможно. Но суровые времена требуют жестких действий».

Опираясь на трость, Глокта с трудом потянул ногу. Его рука дрожала от напряжения.

– Я сообщу его преосвященству, что он может рассчитывать на ваш голос.

Ингелстад был сломлен. Он сдался, неожиданно и окончательно.

«Обмяк, как бурдюк с вином, который проткнули ножом».

Плечи лорда поникли. Лицо осунулось, на нем застыло выражение ужаса и безнадежности.

– Но, верховный судья... – прошептал он. – У вас нет ни капли сострадания?

Глокта только пожал плечами.

– Мальчишкой я был глуп и довольно чувствителен. Клянусь, я мог бы зарыдать, увидев муху, запутавшуюся в сетях паука. – Он поморщился, поскольку острая боль сковала его ногу, когда он повернулся к двери. – Однако хроническая боль излечила меня от этого.

Это было маленькое собрание в очень узком кругу.

«Однако не скажешь, что в компании царит благодушие».

Наставник Гойл сидел за огромным круглым столом в огромном круглом зале и неотрывно смотрел на Глокту маленькими, как бусинки глазами.

«И в этих глазах нет никакого расположения».

Внимание его преосвященства архилектора, главы королевской инквизиции, было обращено вовсе не на подчиненных. Почти триста двадцать листов бумаги были прикреплены к изогнутой перегородке, занимавшей едва ли не половину комнаты.

«По одному на каждого великого деятеля из нашего благородного открытого совета».

Легкий ветерок, залетавший в высокое окно, ворошил листы, и они едва слышно шуршали.

«Дрожащие листики для дрожащих голосов».

На каждом листе было отмечено имя.

«Лорд такой-то, лорд этакый, лорд неизвестно чего. Великие мужи и незаметные, ничемные персонажи. Люди, чье мнение никого не интересовало, пока принц Рейнольт не вывалился из своей кровати прямо в могилу».

На большинстве листов в углу виднелись разноцветные восковые шарики. На некоторых по два, даже по три.

«Вассалы, лояльные сторонники. Как они будут голосовать? Те, кто отмечен синим цветом, – за лорда Брока, красным – за лорда Ишера, черные – за Маровию, белые – за Сульта, и так далее. Но все может перемениться, и очень быстро. Зависит от того, в какую сторону подует ветер».

Ниже были сделаны надписи – ровные линии маленьких, тесно прижавшихся друг к дружке букв. Слишком мелкие для того, чтобы Глокта мог прочитать их с того места, где сидел. Но он знал, что там написано.

«У одного жена когда-то была шлюхой. Другой имеет склонность к молодым людям.

Третий слишком много пьет. Четвертый в приступе ярости убил слугу. Пятый азартен, залез в долги, не может расплатиться... Тайны. Слухи. Наветы. Орудия нашего благородного торга. Триста двадцать имен – и столько же омерзительных историй. Каждую надо раскопать, обработать и пустить в дело. Политика. Работа для блюстителей нравственности. И почему я занимаюсь этим? Ради чего?»

Архилектора заботили более насущные вопросы.

– Брок по-прежнему опережает всех, – пробормотал он уныло, глядя на трепещущие листы бумаги и сцепив за спиной руки в ослепительно-белых перчатках. – У него около пятидесяти голосов, это определено.

«Насколько что-то может быть определенным в наши совсем не определенные времена».

– Ишер отстаёт не намного. За него сорок голосов или чуть больше. Скальд в последнее время заметно продвинулся вперед, насколько мы можем судить. Весьма жесткий тип, как оказалось. Он держит в руках делегацию Старикланда, что даёт около тридцати голосов. То же самое, вероятно, касается и Барезина. Эти четверо – главные кандидаты, как видно из сложившейся ситуации.

«Но кто знает? Возможно, король проживёт ещё год, а когда дело дойдёт до выборов, мы уже поубиваем друг друга».

Глокта подавил усмешку при этой мысли. Круг лордов был заполнен роскошно разодетыми тушами: представители всех знатных фамилий Союза входили туда, да ещё все двенадцать членов Закрытого совета.

«И каждый старается воткнуть нож в спину соседа. Уродливая правда власти».

– Вы говорили с Хайгеном? – резко спросил Султ.

Гойл вскинул лысеющую голову и, глядя на Глокту, усмехнулся с явным раздражением.

– Лорд Хайген по-прежнему считает, что может стать нашим следующим королем, хотя контролирует не более дюжины голосов. Ему было недосуг выслушивать наши предложения, он слишком занят набором сторонников. Возможно, через неделю или две у него появится причина изменить отношение к нашим словам. Тогда вполне вероятно будет склонить его на нашу сторону, но я бы не стал делать на него ставку. Скорее всего, он вступит в сделку с Ишером. Они всегда были близки, насколько мне известно.

– Что ж, пусть объединяются, – процедил Султ. – А как насчет Ингелстада?

Глокта подвинулся в кресле.

– Я предъявил ему наши требования в категоричной форме, ваше преосвященство.

– И что? Мы можем рассчитывать на его голос?

«Как посмотреть».

– Не могу утверждать наверняка. Верховный судья Маровия давит на него теми же угрозами. Он действует через своего человека по имени Харлен Морроу.

– Морроу? Не тот ли лизоблюд Хоффа?

– Похоже, он добился повышения.

«Или понижения. В зависимости от того, как к этому относиться».

– С ним можно разобраться. – Лицо Гойла сложилось в весьма неприятную гримасу. – Без особого труда...

– Нет! – оборвал его Султ. – Скажите, Гойл, почему так происходит: не успеет какая-то проблема появиться, а вы уже готовы разрубить её, не сходя с места? На этот раз мы обязаны действовать осторожно. Надо показать себя респектабельными, надежными людьми,

открытыми для переговоров.

Он подошел к окну. Яркий солнечный свет упал на крупный багровый камень в кольце архилектора и рассыпался на множество фиолетовых отблесков.

– Все это время об управлении страной никто и не задумывается. Налоги не собираются. Преступления остаются безнаказанными. Негодяй по кличке Дубильщик, демагог и предатель, беспрепятственно произносит речи на деревенских ярмарках, призывая к восстанию. Крестьяне то и дело бросают свои хозяйства и становятся разбойниками, совершают бесчисленные грабежи и насилие, наносят убытки государству. Хаос расплывается, и у нас нет никаких возможностей положить этому конец. В Адуе остались лишь два полка королевской гвардии, их едва хватает на то, чтобы поддерживать порядок в городе. А если кому-то из наших высокородных лордов надоест ждать и он решит поскорее захватить корону? Мы не сумеем этому воспрепятствовать!

– Может быть, армия скоро вернется с Севера? – предположил Гойл.

– Не похоже. Старый осел, маршал Берр, потратил три месяца, роя носом землю вокруг Дунбрека, и тем самым дал Бетоду время на перегруппировку сил за Белой рекой. Неизвестно, когда маршал справится с этим, да и справится ли вообще.

«Месяцы потрачены на разрушение нашей собственной крепости. Тут задумаешься, стоит ли усилий строительство».

– Двадцать пять голосов. – Архилектор бросил сердитый взгляд на шуршащие бумажки.

– Двадцать пять, а у Маровии восемнадцать? Мы очень медленно движемся вперед. Пока приобретаем одного сторонника, теряем другого – его уводят наши соперники.

Гойл наклонился вперед в своем кресле.

– Возможно, ваше преосвященство, снова пришло время обратиться к нашему другу в Университете...

Архилектор раздраженно фыркнул, и Гойл закрыл рот. Глокта глянул в большое окно, притворяясь, что не услышал ничего особенного. Шесть потрескавшихся шпилей Университета возвышались перед его взором.

«Что полезного можно там найти? Среди упадка, разрухи, пыли и старых идиотов адептов?»

Сульт не дал ему возможности долго размышлять по этому поводу.

– Я сам поговорю с Хайгеном, – сказал он и ткнул пальцем в одну из бумаг. – Гойл, напишите лорд-губернатору Миду и постарайтесь заручиться его поддержкой. Глокта, организуйте беседу с лордом Веттерлантом, пора бы ему определиться. Идите оба.

Сульт отвернулся от листов, исписанных чужими секретами, и пристально взглянул на Глокту холодными голубыми глазами.

– Отправляйтесь и добудьте мне голоса!

– Холодная ночь! – прокричал Ищейка. – Даже не подумаешь, что лето.

Все трое обернулись к нему. Ближе всех находился седой старик, судя по всему, много повидавший в жизни. Рядом с ним стоял человек помоложе, с одной рукой – левая была обрублена выше локтя. Третий казался совсем мальчишкой. Он остановился на краю причала и хмуро смотрел на темное море. Подходя ближе, Ищейка притворился, будто хромает, – припадал на одну ногу и болезненно морщился. Он проковылял под фонарем, свисавшим с высокого столба рядом с сигнальным колоколом, и поднял флягу, чтобы они могли ее видеть.

Старик усмехнулся и прислонил копьё к стене.

– У воды всегда продирает до костей! – Он подошел, потирая руки. – Похоже, ты нас согреешь?

– Точно. Удача вам улыбается.

Ищейка вытащил пробку, взял одну из кружек и наполнил ее жидкостью.

– Не тушуйся. Верно, парень?

– Я думаю, вы этим не страдаете.

Ищейка плеснул питье в следующую кружку. Однорукий наклонился взять ее и положил копьё. Последним подошел мальчик и стал настороженно рассматривать Ищейку. Старик шутливо толкнул его в бок.

– Разве мать не учила тебя, что пить нельзя, парень?

– Какая мне разница? – огрызнулся тот, стараясь, чтобы его высокий голос звучал как можно более сурово.

Ищейка протянул ему кружку.

– Если ты достаточно вымахал, чтобы держать копьё, значит, дорос и до того, чтобы поднять кубок. Я так считаю.

– Да, я уже взрослый, – отрезал тот и буквально выхватил кружку из руки Ищейки.

Однако сделал глоток и поперхнулся. Ищейка вспомнил, как сам в первый раз попробовал алкоголь. Тогда его здорово тошнило, и он удивлялся, почему всем так нравится выпивка. Он улыбнулся. Мальчик, скорее всего, подумал, что смеются над ним.

– А ты кто такой, между прочим?

Старик одернул его.

– Не обращай внимания. Он еще слишком юн и считает, что грубостью можно заслужить уважение.

– Что ж, хорошо, – произнес Ищейка.

Наполнив свою кружку, он поставил флягу на камни, тем самым выигрывая время. Он хотел обдумать, что сказать дальше, и удостовериться, что не ошибся.

– Меня зовут Крегг.

Когда-то он знал человека по имени Крегг. Там, на холмах, от него остались одни объедки. Ищейка не очень-то жаловал его и понятия не имел, почему сейчас это имя пришло ему на ум. Самое обычное, распространенное имя, подумал он. Он хлопнул себя по бедру.

– Вот, проткнули у Дунбрека, и все никак не заживает. Для похода больше не гоюсь. Прошли денечки, когда я мог топтать в строю. Мой командир прислал меня сюда, посмотреть на воду в вашей компании. – Он взглянул на море, вздымавшееся и мерцавшее в бликах лунного

света, как живое. – Не могу сказать, что очень сожалею об этом. По-честному, мне порядком досталось.

Последнее, по крайней мере, было правдой.

– Понимаю тебя, – сказал однорукий и помахал обрубком руки перед лицом Ищейки. – А как там вообще дела?

– Да вроде все путем. Союз по-прежнему отсиживается под стенами крепости, пытается проникнуть внутрь. А мы поджидаем их на другом берегу реки. И так из недели в неделю.

– Я слышал, какие-то парни переметнулись на сторону Союза. Вроде Тридуба был там, его убили в сражении.

– О, это был великий человек, Рудда Тридуба, – произнес старик, – великий.

– Ага, – кивнул Ищейка. – Это точно.

– Я слышал, будто Ищейка теперь за него, – продолжал однорукий.

– Правда?

– Говорят. Неприятный тип. Здоровый такой парень. Его Ищейкой прозвали, потому что он женщинам, бывало, соски отгрызал.

– Неужели? – Ищейка моргнул. – Я его никогда не видел.

– Еще говорят, что и Деятипалый там был, – прошептал мальчик. Его глаза широко раскрылись, будто он говорил о привидении.

Старик и однорукий усмехнулись.

– Деятипалый давно мертвец, парень, и хорошо, что чертов злодей сгинул, скатертью дорога.

Однорукий вздрогнул.

– Тьфу, дьявол! Ты несешь чушь!

– Только то, что сам слышал.

Старик жадно глотнул еще грога и причмокнул губами.

– Какая разница, кто где. Союз наверняка утихомирится, как только вернет себе крепость. Утихомирится и отправится домой, за море, и все снова станет, как было. Во всяком случае, сюда, в Уфрис, никто из них не явится.

– Ну да, – согласился однорукий радостно. – Сюда они не придут.

– А чего же мы тогда торчим здесь и ждем их? – несмело спросил мальчик.

Старик закатил глаза, словно слышал этот вопрос раз десять и устал отвечать одно и то же.

– Да потому что нам дали задание, парень.

– Ну, раз у вас есть задание, нужно выполнить его наилучшим образом.

Ищейка вспомнил, как Логен много раз говорил ему то же самое. И Тридуба тоже. Теперь оба они вернулись в грязь, но эти слова звучали так же справедливо, как и прежде.

– Даже если задание скучное, опасное или совершенно непонятное. Даже если это задание, с которым ты предпочел бы не связываться.

Проклятие, ему приспичило отлить. Как всегда в подобной ситуации.

– Точно, – произнес старик и улыбнулся, глядя в кружку. – Надо делать то, что положено.

– Так и есть. Только обидно. Но при тебе отличные ребята... – Ищейка протянул руку за спину, словно ему потребовалось почесать зад.

– Обидно? – Мальчик смотрел на него в явном замешательстве. – Что ты имеешь в виду...

В это мгновение за спиной мальчика возник Доу и перерезал ему горло.

Почти в тот же самый миг Молчун грязной рукой зажал рот однорукому и вытащил из прорехи на плаще покрытое кровью лезвие. Ищейка бросился вперед и трижды ударил старика по ребрам. Тот захрипел, покачнувшись, глаза его расширились, кружка, которую он все еще держал в руке, накренилась, слюна вперемешку с грогом стекла по подбородку. Он упал.

Мальчик сделал несколько движений. Он прижимал одну руку к шее, стараясь удержать кровь, другой же тянулся к шесту, где висел сигнальный колокол. У него хватило мужества вспомнить о колоколе, когда ему перерезали горло, Ищейка признал это; но мальчик сделал лишь шаг, прежде чем Доу наступил ему на шею сзади и буквально вдавил в землю.

Услышав, как хрустнула шея мальчика, Ищейка вздрогнул. По справедливости, он не заслужил такой смерти. Но война есть война. Очень многие находят смерть, которую не заслужили. Работу надо было сделать, и они сделали ее, притом все трое были живы. Ищейка, конечно, не мог ожидать ничего хорошего от такой дрянной работы, но у него остался неприятный осадок. Их дело никогда не казалось ему легким, но теперь, когда он был за старшего, все стало еще тяжелей. Удивительно, насколько легче убивать, когда кто-то другой приказывает тебе сделать это. Трудненько это – убивать. Тяжелее, чем кажется.

Если, конечно, твое имя не Черный Доу. Для парня убить – как помочиться, и он чертовски преуспел в этом. Ищейка наблюдал, как Черный Доу наклонился, сорвал с однорукого плащ. Потом взвалил тело на плечи и небрежно сбросил в море, словно мусор.

– У тебя две руки, – произнес Молчун, уже накинув плащ старика.

Доу осмотрел себя.

– О чем ты? Я не собираюсь сам себе отрубить руку, чтобы выглядеть пострашнее, идиот!

– Он имеет в виду, не мозоль глаза своими руками.

Ищейка смотрел, как Доу протер кружку грязным пальцем, налил себе немного грога и залпом выпил.

– И хочется же тебе пить в такой момент? – спросил он, стаскивая с мальчика окровавленный плащ.

Доу пожал плечами и налил еще.

– Не оставлять же. Кроме того, ты сам сказал – холодная ночка. – Он неприятно усмехнулся. – Но ты, черт возьми, горазд трепаться, Ищейка! Это меня зовут Крегг. – Прихрамывая, Доу сделал пару шагов. – Я получил под зад при Дунбреке. Откуда ты все это выкопал?

Он хлопнул Молчуна по плечу.

– Вообще-то ничего получилось. Было какое-то словечко, подходящее к такому случаю. Какое словечко-то?

– Правдоподобно, – ответил Молчун.

– Правдоподобно. – Взгляд Доу смягчился. – Это как раз о тебе, Ищейка. Ты умеешь очень правдоподобно байки травить. Клянусь, ты мог бы навешать им, что ты не кто иной, как сам Скарлинг Простоволосый, и они бы уши развесили. Уж не знаю, как тебе удалось и глазом не моргнуть?

Ищейка не был расположен к веселью. Ему не хотелось смотреть на два мертвых тела, лежащие на камнях. Он все еще невольно беспокоился о том, как бы мальчик не замерз без плаща. Конечно, полная дурость думать о таком, когда парень лежит в шаге от тебя в луже собственной крови.

– Пустое, – недовольно ответил он. – Надо избавиться от них и убираться. Неизвестно,

когда сюда явятся остальные.

– Твоя правда, вождь. Как бы то ни было, ты дело говоришь.

Доу сбросил в воду оба мертвых тела, потом отцепил язык колокола и тоже швырнул его в море, раз и навсегда.

– Обидно, – сказал Молчун.

– Что именно?

– Колокол сломан.

Доу взглянул на него, прищурившись.

– Колокол, вот проклятье! Ты мастер сморозить, черт знает, что. Я лучше думал о тебе.

Сломали колокол! Ты в своем уме, парень?

Молчун пожал плечами.

– Южане могли бы воспользоваться им, когда придут сюда.

– Ну, они могут нырнуть и поискать его язык! Ну, ты даешь!

Доу схватил копье однорукого и зашагал к распахнутым воротам. Одну руку он держал спрятанной под плащом.

– Испортили колокол, – бормотал он недовольно. – Придурок.

Ищейка встал на носки и отцепил лампу. Держа ее высоко в руке, посмотрел на море, приподнял край плаща и закрыл им лампу, потом открыл. Снова закрыл и снова открыл. Повторил еще раз, после чего вернул мерцающий светильник на шест. Пламя вспыхнуло, оживляя надежду, – маленький огонек, хорошо видный с воды, их единственный свет.

Ищейка все время ждал, что дело сорвется, что шум услышат в городе, что пять дюжин карлов выйдут из раскрытых ворот и их троица встретит тот конец, который они заслужили. Ему просто страшно захотелось отлить, когда он думал об этом. Но карлы не появились. Не раздалось ни единого звука. Только безъязыкий колокол поскрипывал на шесте, холодные волны плескались, били о камень и дерево пристани. Все шло так, как они запланировали.

Первая лодка появилась из темноты, скользя по волнам. На носу ухмылялся Трясучка. Десятка два карлов сидели за ним в лодке и очень осторожно работали веслами. Их бледные лица были напряжены, зубы сжаты, чтобы ничем не нарушить тишину. Но все равно каждый стук дерева или позвякивание металла заставляли Ищейку вздрагивать.

Трясучка и его помощники привязали к борту мешки с соломой и причалили беззвучно; они все продумали еще неделю назад. Они бросили веревки, Ищейка и Молчун поймали их, подтащили судно ближе и закрепили его. Ищейка взглянул на Доу, как ни в чем ни бывало прислонившегося к стене у ворот, и тот слегка покачал головой, давая понять, что в городе тихо. Трясучка тихо спрыгнул на пристань и подошел, пригибаясь в темноте.

– Отличная работа, вождь! – Шепнул он, широко улыбаясь. – Аккуратно и точно.

– У нас будет время похвалить друг дружку.

– Надо встретить другие лодки.

– Ты прав.

Еще несколько лодок приблизились к причалу. В них тоже сидели карлы, а мешки с соломой прикрывали борта. Подчиненные Трясучки подтягивали лодки к пристани, и люди выходили на берег. Там был разный народ – те, кто перешел на их сторону за последние несколько недель. Те, кому не нравились новые порядки Бетода. Вскоре их собралось на причале так много, как Ищейке и не снилось.

Они разбились на команды, как было решено заранее. У каждой команды был свой предводитель, перед каждой стояло особое задание. Два человека, знавших Уфрис,

нарисовали на земле план города, как это делал Тридуба. Ищейка усмехнулся: Черному Доу когда-то это не нравилось, но теперь он понял, что игра стоит свеч. Новый вождь присел на корточки около ворот, и люди прошли мимо него, слившись в темноте в молчаливую толпу.

Первым шел Тул, за ним – дюжина карлов.

– Отлично, Грозовая Туча, – произнес Ищейка, – тебе достанутся главные ворота.

– Ага, – кивнул Тул.

– Это самая трудная задача, попытайся все сделать тихо.

– Будет тихо, вождь.

– Тогда удачи, Тул!

– И без нее обойдемся.

И великан растворился в темноте, ступив на улицы города. Его команда последовала за ним.

– Красная Шляпа, твое дело – башня у колодца и стены вокруг.

– Понял.

– Трясучка, твои ребята караулят городскую площадь.

– Будем бдительны, как ночные совы, вождь.

Все шло своим чередом. Они проходили мимо, вступали через ворота на темные улицы города так тихо, что ветер с моря или покачивание волн в гавани наделали бы больше шума. Ищейка поставил задачу каждому отряду и приободрил бойцов. Последним подошел Черный Доу. За ним следовал его отряд – несколько суровых и упрямых на вид человек.

– Тебе, Доу, поручается резиденция предводителя. Обложи их, как говорится, но поджигать пока не нужно, слышишь? Никого не убивай, только в самом крайнем случае. Еще не время.

– Не время, куда яснее.

– И еще, Доу.

Доу обернулся.

– Женщин тоже не нужно обижать.

– За кого ты меня принимаешь? – спросил Доу, и его зубы блеснули в темноте. – Я что, животное?

И вот все сделано. Ищейка, Молчун и с ними еще кое-кто остались наблюдать за водой.

– Угу, – произнес Молчун, опуская голову.

Из его уст это была большая похвала.

Ищейка указал на шест.

– Может, действительно использовать колокол? – сказал он. – Ему найдется применение.

Во имя мертвых, колокол забил! Ищейке пришлось зажмурить глаза, его рука задрожала, когда он ударил по нему рукояткой ножа. Он чувствовал себя не очень-то уютно среди этих зданий, огороженных стенами и заборами. Он нечасто бывал в городах, а когда бывал, радости не испытывал. Что хорошего в том, чтобы жечь дома и сеять несчастья после осады? Или торчать в тюрьме у Бетода, ожидая расправы. Он обвел взглядом нагромождение крытых шифером крыш, стены из старого бурого камня и почерневшего дерева, покрытые грязной серой штукатуркой, влажные и скользкие от мелкого дождя. Станный способ жить: спать в коробке, весь день крутиться на одном и том же месте. Эта мысль не давала ему покоя, словно встряска с колоколом было недостаточно. Он откашлялся и поставил колокол на камни рядом с собой. Потом замер, выжидая и держа руку на рукоятке меча.

Из глубины улицы послышались неуверенные шаги. Маленькая девочка выбежала на площадь. Она широко раскрыла рот, когда увидела перед собой дюжину мужчин, вооруженных до зубов, и Тула Дуру среди них. Вероятно, она никогда не видела человека и в половину его роста. Девочка резко развернулась, чтобы убежать в другую сторону, и едва не поскользнулась на мокрых камнях. Потом она увидела Доу. Он сидел на гряде дров прямо за ее спиной, спокойно прислонившись к стене. Обнаженный меч лежал у него на коленях. Девочка застыла.

– Все нормально, детка, – прорычал Доу. – Стой там, где стоишь.

На площадь поспешно выходили другие люди, их становилось все больше. Они с удивлением и страхом смотрели на Ищейку и его людей, стоявших в ожидании. По большей части женщины и дети, несколько стариков. Звук колокола поднял их с постели, и они пришли сюда, полусонные, с красными глазами и опухшими лицами, одетые во что попало и чем попало вооруженные. Мальчик с мясницким ножом. Старик с мечом, оттягивавшим ему руки, так что древний старец казался еще древнее. Девушка с растрепанными темными волосами, вооруженная вилами, напомнила Ищейке Шари. Задумчивая, суровая, она так же смотрела на него до того, как они стали делить ложе. Нахмурившись, Ищейка опустил глаза и взглянул на грязные босые ноги девушки. Он надеялся, что ему не придется убивать ее. Если горожане будут послушны и напуганы, все может завершиться наилучшим образом, быстро и легко. Поэтому Ищейка постарался говорить так, чтоб навести страху и не навредить самому себе. Так, как говорил бы Логен. Или все же стоит нагнать побольше страху? Ну, тогда как Тридуба. Грубовато, но ясно. Пожалуй, это будет лучше для всех.

– Предводитель среди вас? – прокричал он.

– Ну, я за него, – проскрипел в ответ старик с мечом.

Его лицо побледнело и осунулось, когда он увидел на площади своего города столько вооруженных до зубов чужаков.

– Зовут меня Брасс. А вы, черт возьми, кто такие?

– Я Ищейка, со мной Хардинг Молчун, а вот этот здоровый парень – Тул Дуру Грозовая Туча.

Глаза горожан широко раскрылись, люди зашептались. Видимо, эти имена они уже слышали.

– Мы пришли сюда с пятью сотнями карлов и прошлой ночью захватили ваш город.

Кто-то вскрикнул, кто-то громко ахнул. На самом деле их было около двухсот, но слова Ищейки имели смысл: горожане должны понять, что сопротивляться бесполезно. Ему бы не хотелось вонзять нож в какую-нибудь женщину. Тем более не хотелось, чтобы нож вонзили в него.

– Здесь и в округе много наших воинов, а все ваши охранники схвачены и связаны, если не убиты. Кое-кого из моих ребят вы обязаны знать. Я говорю о Черном Доу.

– Это я.

Доу продемонстрировал свою отвратительную улыбочку, и несколько человек шарахнулись от него, словно увидели перед собой ту самую преисподнюю, о которой им так много рассказывали.

– Они готовы поджигать ваши дома и нести смерть. Они готовы действовать так, как действовал Логен Десятипалый. Вы понимаете, о чем я?

Где-то в толпе заплакал ребенок, не в полный голос, а тихо, со всхлипами. Мальчик, стоящий рядом, неотрывно смотрел на Ищейку, нож в руке его качнулся. Темноволосая

девушка моргнула и крепче сжала вилы. Главное они уяснили. Порядок.

– Но я подумал, что будет справедливо дать вам возможность сдать, так как в городе много детей, женщин и стариков. У меня счет к Бетоду, а не к людям, живущим здесь. Союз рассчитывает использовать это место как порт, чтобы доставлять людей и припасы. Они появятся через час, на своих кораблях. Их будет много. Это случится, желаете вы того или нет. Ценой крови, если вы хотите. Мертвые знают, у нас большой опыт в этом деле. Предлагаю вам сложить оружие. Если согласитесь, мы поладим – как это говорится, есть такое словечко?..

– Цивилизованно, – подсказал Молчун.

– Ага. Цивилизованно. Что скажете?

Старик тер пальцем меч и, похоже, не собирался им размахивать. Он скользнул взглядом по стенам, где стояли карлы, и еще сильнее ссутулился.

– Кажется, ты решил нас остудить? Ты Ищейка, да? Я слышал, ты умный парень. В любом случае, здесь не осталось никого, кто в силах сражаться с тобой. Бетод забрал всех, кто способен держать в руках копье и щит. – Он оглянулся на мрачную толпу. – Могут ли женщины рассчитывать на безопасность?

– Мы обеспечим им безопасность.

– Тем, кто этого пожелает, – уточнил Доу, пожирая взором девушку с вилами.

– Мы обеспечим им безопасность, – прорычал Ищейка, бросив на Доу рассерженный взгляд. – Я прослежу за этим.

– Что ж, тогда... – тяжело вздохнул старик.

Он доковылял до Ищейки, наклонился, сморщившись, встал на колени и положил свой ржавый клинок к ногам воина.

– Насколько я понял, ты лучше Бетода. Я думаю, что должен поблагодарить тебя за милосердие, если ты сдержишь слово.

– Уф.

Ищейка не чувствовал себя милосердным. Он очень сомневался, что его поблагодарил бы старик, которого он убил на причале, или однорукий, которому воткнули в спину нож. Или тот мальчик с перерезанным горлом, потерявший едва начатую жизнь.

Один за другим люди выходили из толпы и, приблизившись, складывали оружие – если все эти предметы можно было так назвать – в кучу перед Ищейкой. Росла гора старых ржавых инструментов и какого-то хлама.

Последним подошел мальчик с ножом. Он воткнул свое оружие в груду лезвием вниз, нож лязгнул. Испуганно взглянув на Черного Доу, мальчик поспешил к остальным и уцепился за руку темноволосой девушки.

Они стояли перед ним, столпившись, и глядели широко раскрытыми глазами. Ищейка чувствовал запах их страха. Эти люди ожидали, что Доу и его карлы разорвут их на куски прямо на месте. Они ожидали, что их затолкают в дома, запрут, а потом подожгут. Ищейке приходилось видеть, как это делается, и он не винил их, сбившихся в кучу и прижавшихся друг к другу, как овцы зимой в поле. Ему тоже пришлось пройти через это.

– Хорошо! – гаркнул он. – Значит, так! Возвращайтесь в свои дома. Войска Союза появятся здесь около полудня, и будет лучше, если улицы окажутся пустыми.

Они растерянно смотрели на Ищейку, на Тула, на Черного Доу, на всех остальных. Они судорожно глотали слюну, их бил озноб. Они бормотали слова благодарности своим мертвым покровителям.

Потом начали медленно расходиться, растекаться по направлению к своим жилищам. Живые, к их невероятному облегчению.

– Неплохо сработано, вождь, – произнес Тул на ухо Ищейке. – Сам Тридуба не мог бы устроить все лучше.

Черный Доу незаметно приблизился с другой стороны.

– Вот только насчет женщин, если ты спросишь мое мнение...

– Я не спрашиваю.

– Вы не видели моего мальчика?

Одна женщина не ушла домой. Она подошла к воинам, в ее глазах стояли слезы, на лице отражалась тревога. Ищейка опустил голову и старался не смотреть на нее.

– Мой мальчик, мой сын! Он был с охранниками, там, у воды. Вы не видели его? – Она потянула Ищейку за куртку. Ее голос дрогнул, в нем слышались слезы. – Пожалуйста, скажите, где мой сын?

– Вы думаете, я знаю? – бросил он в ее залитое слезами лицо.

И зашагал прочь, будто его ждало очень много дел, но все время повторял себе: ты трус, ты подонок, Ищейка, ты свинья, ты малодушный, кровожадный трус. Какое геройство – взять на испуг толпу женщин, детей и стариков, обмануть их.

Да, непростое это дело – быть вождем.

Большой ров пересох еще в начале осады и превратился в широкую канаву, полную черной грязи. На дальнем конце моста, перекинутого через ров, четверо солдат стаскивали с подводы мертвецов и пинками сталкивали их в грязь. Это были тела последних защитников, обожженные и изуродованные, покрытые кровью и сажей. Тела дикарей, пришедших с востока, из-за реки Кринна, бородатых, с длинными спутанными волосами. После трех месяцев осады Дунбрека все они исхудали и выглядели измученными, едва походили на людей. Мало радости для Веста – одержать верх над противником, вызывающим лишь жалость.

– Досадно, – проговорил негромко Челенгорм. – Они так храбро дрались, и такой бесславный конец.

Вест проследил взглядом, как еще одно тощее тело в лохмотьях соскользнуло с края рва и погрузилось в грязное месиво из ила и человеческих конечностей.

– Именно так заканчивается большинство осад. Особенно для тех, кто храбр. Мертвые лягут в эту клоаку, а потом ров снова наполнят водой. Воды Белой реки накроют их, храбрых или не очень, это уже не имеет никакого значения.

Крепость Дунбрек мрачной громадиной нависала над двумя офицерами, когда они пересекали мост. Серые очертания стен и башен вырисовывались на облачном бесцветном небе. Несколько ворон описывали круги над крепостью, то и дело пронзительно вскрикивая. Еще парочка надрывно каркала с украшенных зубцами бастионов.

Почти месяц понадобился воинам генерала Кроя, чтобы совершить этот поход. Они теряли людей, отражая постоянные атаки противника, и в итоге пробились сквозь тяжелые ворота под ливнем из стрел, камней и кипятка. Еще неделя бойни в узком подземном туннеле, и они преодолели расстояние в дюжину шагов, ворвались во вторые ворота, прокладывая путь огнем и мечом, и взяли под контроль внешнюю стену крепости. Все преимущества были на стороне защитников. Крепость была изначально построена именно для этого.

Но когда они захватили караульную будку у ворот, оказалось, что трудности только начались. Внутренняя стена была в два раза выше и толще, чем внешняя. С нее можно было разглядеть каждый шаг противника. Метательные снаряды летели в них с шести огромных башен, похожих на отвратительных чудовищ.

Чтобы захватить вторую стену, людям Кроя пришлось испытать все известные в военной науке способы осады. Они в поте лица работали киркой и ломом, стараясь пробить стену, но каменная кладка была очень широка в основании – пять шагов, не меньше. Они попытались устроить подкоп, но земля около крепости раскисла от воды, а под ней лежал плотный однородный английский камень. Они осыпали крепость снарядами из катапульт, но едва поцарапали могучие бастионы. Они подходили к крепости со штурмовыми лестницами, снова и снова, единым натиском и отдельными отрядами, нападали неожиданно ночью или дерзко днем – но и в темноте, и при свете все атаки Союза захлебывались, а воины отползали назад, гордо волоча за собой раненых и убитых. Не выдержав, они попробовали убедить дикарей сдаться, прибегнув к помощи переводчика из северян, выступившего в качестве посредника. Несчастного забросали нечистотами.

В конце концов, им просто повезло. Изучив передвижения часовых, один

предприимчивый сержант решил попытаться, зацепившись крюком за стену под покровом темноты. Он взобрался наверх, и за ним последовала еще дюжина храбрецов. Они захватили защитников крепости врасплох, некоторых убили и ворвались в караульную. Операция заняла десять минут, и только один воин Союза погиб. Это своеобразная ирония, думал Вест: использовав все возможные методы осады, предприняв множество безуспешных атак, армия Союза вошла во внутреннюю крепость через открытые главные ворота.

Теперь у этой арки склонился какой-то солдат. Он громко блевал на покрытые пятнами каменные плиты. Вест прошел мимо, почуяв что-то недоброе. Позвякивание его шпор эхом разнеслось под сводами длинного туннеля и добралось до широкого двора в самом центре крепости. Это был правильный шестиугольник, в точности повторяющий очертания внутренней и внешней стен, каждую часть двух абсолютно симметричных строений. Вест сомневался, что архитекторам понравилось бы то, в каком состоянии северяне покинули построенную ими цитадель.

Длинное деревянное здание с одной стороны двора, где, вероятно, располагались конюшни, сгорело во время штурма и превратилось в нагромождение обугленных балок. Там все еще проглядывали языки пламени. Те, кому полагалось убрать все последствия штурма, были слишком заняты за стенами крепости, а здесь, на земле, все еще оставались тела убитых и брошенное в беспорядке вооружение. Погибшие воины Союза были уложены в одном углу и прикрыты попонами, северяне же валялись повсюду в самых замысловатых позах: кто на спине, кто лицом вверх, распростертые и сжавшиеся в комок, как их настигла смерть. Плиты под мертвецами были изборождены глубокими зазубринами, и это были вовсе не случайные повреждения во время трехмесячной осады. На камнях был вычерчен огромный круг, внутри него располагались другие круги, образовавшие замысловатый рисунок. Но Веста беспокоил не вид двора. Гораздо хуже было отвратительное зловоние, более резкое и раздражающее, чем запах обгорелого дерева.

– Что это за запах? – пробормотал Челенгорм, прикрывая ладонью рот.

Его услышал сержант, стоявший поодаль.

– Наши дружки-северяне украсили это местечко.

Рукой в кольчужной перчатке он указал куда-то поверх их голов, и Вест поднял взгляд. То, что он увидел, разложилось настолько, что он не сразу признал в этом человеческие останки. Мертвецы с раскинутыми руками были прибиты гвоздями к стене каждой из башен, окружающих внутренний двор, достаточно высоко, чтобы примыкающие здания не загораживали их. Гниющие внутренности свисали из вспоротых животов, обильно облепленных мухами. Распятые на Кровавом кресте, как сказали бы северяне. Изорванные в клочья яркие мундиры воинов Союза были смутно различимы – цветные лоскуты вспыхивали, раздуваемые ветром, среди разлагающейся плоти.

Было ясно, что они повешены давно. Конечно, до того, как началась осада. Скорее всего, тела висели с тех пор, как крепость захватили сами северяне. Трупы первых защитников цитадели, прибитые гвоздями, гниющие и разлагающиеся, провисели здесь все эти месяцы. У троих отсутствовали головы. Скорее всего, это их головы прилагались к трем подаркам, посланным маршалу Берру некоторое время назад. Вест вдруг спросил себя, не очень-то желая знать ответ: были ли они живы, когда их прибывали к стенам? Рот немедленно наполнился слюной, отдаленное жужжание мух вдруг стало невыносимо близким и до тошноты громким.

Челенгорм побледнел как смерть. Он не произнес ни слова. Да и не нужно было что-то

говорить.

– Что здесь произошло? – пробормотал Вест сквозь зубы, обращаясь скорее к самому себе.

– Мы думаем, сэр, они хотели получить помощь. – Сержант, у которого был, судя по всему, очень крепкий желудок, только усмехнулся на его слова. – Помощь каких-то очень недобрых богов. Но их никто не услышал.

Вест, нахмурившись, уперся взглядом в шероховатые рисунки на плитах.

– Уберите все! Снимите плиты и замените их, если это необходимо.

Потом он перевел взор на разлагающиеся останки на башнях и вдруг почувствовал рвотный позыв.

– Предложите вознаграждение в десять марок тому, у кого достанет решимости забраться туда и сбросить трупы вниз.

– Десять марок, сэр? А ну-ка принесите мне вон ту лестницу!

Вест повернулся и зашагал в распахнутые ворота крепости Дунбрек, затаив дыхание и очень надеясь на то, что ему не доведется приходить сюда еще раз. Но он точно знал, что вернется сюда. Хотя бы в снах, страшных снах.

От совещаний с Поулдером и Кроем даже самый здоровый человек давно бы заболел, а лорд-маршал Берр здоровьем не отличался. Командующий армиями его величества в Инглии съезжился и сжался, как защитники Дунбрека. Простой мундир висел на нем, как на вешалке, кожа обтянула кости. Эти двенадцать недель состарили его, словно прошли годы. Голова Берра тряслась, губа дрожала, он не мог долго стоять и совсем не держался в седле. Время от времени лицо его кривила гримаса, и он вздрагивал, как будто его охватывала скрытая боль. Вест не понимал, как маршал может дальше командовать армией, но он делал это по четырнадцать часов в день и даже больше. Берр относился к своим обязанностям с прежним усердием. Только теперь казалось, что эти обязанности просто съедают его.

Сложив руки на животе и мрачно сдвинув брови, Берр смотрел на огромную карту приграничного района. Белая река извилистой голубой линией спускалась вниз в середине, черный шестиугольник Дунбрека был отмечен витиеватой надписью. По левую сторону располагался Союз. По правую – Север.

– Что ж, значит, – хрипло проговорил лорд-маршал и кашлянул, прочищая горло, – крепость снова в наших руках.

Генерал Крой сдержанно кивнул.

– Так и есть.

– Наконец-то, – заметил Поулдер вполголоса.

Каждый из генералов все еще был склонен рассматривать Бетода и его северян как некое пустячное отвлечение от настоящего серьезного противника, то есть от другого генерала.

Крой заметно рассердился, и его приближенные затараторили вокруг него, как стая встревоженных ворон.

– Дунбрек спроектирован самыми выдающимися военными архитекторами Союза, денег на его возведение не жалели. Его осада и захват были непростой задачей!

– Конечно, конечно, – раздраженно пробормотал Берр, стараясь по возможности сгладить конфликт. – Было чертовски трудно его взять. Есть ли у нас сведения о том, как это удалось северянам?

– Никто из них не выжил, чтобы поведать нам о собственных хитрых приемах, сэр. Они

сражались, все без исключения, до смерти. Те немногие, кто остался в живых, в итоге забаррикадировались в конюшне и подожгли себя.

Берр взглянул на Веста и медленно покачал головой.

– Как понять такого врага? И каково состояние крепости?

– Ров осушен, караульная будка у внешней стены частично разрушена, значительные повреждения получила внутренняя стена. Защитники снесли несколько зданий: им нужно было дерево для обогрева и камни для бомбардировки, остальные постройки... – Крой пожевал губами, словно с трудом подбирая слова, – в плачевном состоянии. Ремонт займет несколько недель.

– Хм. – Берр с сожалением потер живот. – Закрытый совет настаивает, чтобы мы как можно скорее пересекли Белую реку, вторглись на северные территории и атаковали противника. Встревоженному народу необходимы позитивные новости и все такое прочее.

– Захват Уфриса, – горячо заговорил Поулдер с нарастающим самодовольством, – значительно усилил наши позиции. Одним ударом мы получили один из лучших портов на Севере. Очень удобное расположение для снабжения наших войск всем необходимым, когда мы двинемся вглубь вражеской территории. Прежде запасы приходилось тащить на подводах через всю Инглию, по плохим дорогам, в дурную погоду. Теперь мы можем доставлять провиант и подкрепление кораблями почти на передовую. И нам удалось это сделать без единого выстрела, без единого убитого солдата!

Вест не мог позволить генералу приписать все заслуги исключительно себе.

– Без сомнений, – он с трудом пробился через монотонное разглагольствование Поулдера, – наши северные союзники еще раз доказали свою важность в этом деле.

При его словах вся красномундирная свита Поулдера помрачнела и неодобрительно заворчала.

– Они сыграли свою роль, – вынужден был признать генерал.

– Ищейка, их предводитель, пришел к нам с готовым планом. Он осуществил его с помощью своих людей и преподнес вам город с распахнутыми воротами и послушным населением. Так я понимаю произошедшее.

Сдвинув брови, Поулдер бросил сердитый взгляд на Кроя, который неприятно оскалился в улыбке.

– Мои люди держат город в своих руках и уже делают запасы продовольствия. Мы обошли противника с фланга и вынудили его откатиться к Карлеону. Вот что важно, полковник Вест, а вовсе не расследование, кто и что сделал в точности.

– В самом деле, – вмешался Берр, взмахнув большой костлявой рукой. – Вы оба оказали неоценимые услуги своей стране. Сейчас мы обязаны думать о том, как развить эти успехи. Генерал Крой, организуйте рабочие отряды, которые останутся в Дунбреке для завершения восстановительных работ, и один полк новобранцев для обеспечения безопасности. С опытным командиром, пожалуйста. Было бы неловко потерять крепость во второй раз.

– Мы не сделаем такой ошибки! – сердито рявкнул Крой Поулдеру. – Можете рассчитывать на нас.

– Остальные войска начнут форсировать Белую реку и сосредоточатся на противоположном берегу. Потом мы можем потеснить противника на северном и восточном направлениях к Карлеону, используя гавань в Уфрисе для обеспечения ресурсов. Мы выдворим противника из Инглии. Сейчас мы обязаны как следует надавить на Бетода и поставить его на колени.

Маршал демонстративно сжал пальцы в кулак, показывая, как это должно произойти.

– Моя дивизия пересечет реку и будет на том берегу к завтрашнему вечеру, – процедил Поулдер, поглядывая на Кроя, – в полном боевом порядке.

Берр поморщился.

– Мы должны двигаться осторожно, чего бы от нас ни требовал закрытый совет. В последний раз армия Союза пересекала Белую реку, когда король Казамир вторгся на Север. Я полагаю, нет необходимости напоминать вам, что он вынужден был отойти в беспорядке. Бетод и раньше вынуждал нас к отступлениям, а теперь он стал сильнее и воюет на своей территории. Мы должны сотрудничать. Здесь нет места соперничеству, господа.

Оба генерала немедленно согласились, причем каждый старался показать, что он согласен больше, чем другой. Вест глубоко вздохнул и потер переносицу.

– Ну, вот мы и вернулись.

Байяз хмуро глядел на город. Яркий белый серп луны плыл над мерцающей водой залива. Берег приближался медленно, но неотвратно, словно протягивал невидимые руки и радостно обнимал Джезаль. Очертания города становились все более четкими, парки зеленели между домами, белые шпили взмывали ввысь, выступая над множеством зданий. Джезаль уже различал высокие стены Агрионта – солнечный свет вспыхивал на глянцевых куполах, выступающих над ними. Дом Делателя возвышался надо всем, и даже это зловещее сооружение сейчас предвещало грядущее тепло и покой.

Джезаль вернулся домой. Он выжил. Казалось, минула целая вечность с тех пор, как он стоял на корме такого же корабля, одинокий и несчастный, наблюдая с печалью, как Адуа исчезает вдаль. За шумом плещущихся волн, хлопаньем парусов и криком чаек он начал различать шум города. Этот шум звучал для него как самая прекрасная музыка. Джезаль закрыл глаза и глубоко вдохнул. Даже отдающая гнилью морская соль, попавшая на язык, стала в этот миг сладкой, словно мед.

– Похоже, прогулка вам понравилась, капитан? – спросил Байяз с плохо скрываемой иронией.

Джезаль только усмехнулся в ответ.

– Я счастлив, что она заканчивается.

– Не надо падать духом, – предложил брат Длинноногий. – Иногда удовлетворение от трудного путешествия приходит гораздо позже, уже после того, как вернешься. Испытания проходят, но обретенная мудрость остается на всю жизнь.

– Хм. – Первый из магов скривил губы. – В путешествиях обретает мудрость только тот, кто уже мудр. А глупцы становятся еще хуже. Мастер Девятипалый! Ты решил вернуться на Север?

Логен вскинул голову, оторвав взгляд от воды.

– У меня нет причин задерживаться.

Он искоса посмотрел на Ферро, и она сердито обернулась на него.

– Что ты на меня пялишься?

Логен покачал головой.

– С чего ты взяла? И не собирался.

Если между этими двоими и существовала какая-то привязанность, смутно напоминавшая романтические отношения, то теперь, похоже, она безнадежно деградировала и обернулась мрачной неприязнью.

– Ладно, – произнес Байяз, приподнимая брови. – Раз ты уже решил.

Он протянул северянину руку, и Джезаль увидел, как они обменялись рукопожатием.

– Если Бетод попадется тебе на пути, передай ему хороший пинок от меня.

– Если он меня первый не отделает.

– Все равно – дашь сдачи. Спасибо за помощь, за то, как ты держался. Возможно, когда-нибудь ты снова придешь ко мне в библиотеку. Мы будем любоваться озером, глядя в окно, и смеяться, вспоминая о наших захватывающих приключениях на западной окраине мира.

– Надеюсь на это.

Однако по виду Логена нельзя было сказать, что он рад или полон надежд. Он походил

на человека, у которого просто не осталось выбора.

В полной тишине Джезаль наблюдал, как тросы сбросили на пристань и быстро закрепили, длинный трап со скрипом съехал на берег и уперся в камни. Байяз позвал своего ученика:

– Мастер Ки! Пришло время высаживаться!

И бледный молодой человек последовал за своим учителем, спустившись с корабля. Брат Длинноногий стоял за его спиной, но юноша не обернулся и даже не взглянул на него.

– Ну, удачи, – произнес Джезаль, протягивая Логену руку.

– И тебе того же.

Северянин усмехнулся и, не обращая внимания на протянутую руку, заключил Джезаль в крепкие и не очень-то приятно пахнущие объятия. Это был краткий, трогательный и немного неловкий момент. Потом Девятипалый хлопнул капитана рукой по спине и отпустил.

– Возможно, еще увидимся. Там, на Севере.

Голос Джезаль дрогнул, хотя он старался скрыть это.

– Если меня отправят...

– Возможно, но... Надеюсь, что нет. Я уже говорил: на твоём месте я бы нашел себе хорошую женщину, а убивать предоставил тем, кто поглупее.

– Таким, как ты?

– Ну да. Как я. – Он бросил взгляд на Ферро. – Верно, Ферро?

– Угу.

Она пожала тощими плечами и решительно зашагала вниз по трапу. Лицо Логена дрогнуло, когда он посмотрел ей вслед.

– Ладно, – негромко пробормотал он ей в спину. – Был рад знакомству.

Он помахал обрубок пальца перед лицом Джезаль.

– Хочешь сказать о Логене Девятипалом, скажи, что он умеет обращаться с женщинами.

– Гм.

– Ага.

– Ладно, уж.

Джезаль осознал, что ему на удивление трудно расставаться с Логеном. Они стали неразлучны за последние шесть месяцев. В начале путешествия он испытывал к северянину лишь презрение, а теперь чувствовал себя так, словно расставался со старшим братом, которого глубоко уважал. Или еще хуже, потому что собственные братья не внушали Джезалью никакого уважения. Он стоял в нерешительности на палубе, и Логен усмехнулся, глядя на него, словно догадался, о чем он думает.

– Не переживай. Я постараюсь справиться без тебя.

Джезаль заставил себя улыбнуться.

– Постарайся не забыть, о чем я тебе говорил, если вдруг ввяжешься в новую драку.

– Скорей всего, именно так и случится.

Джезалью ничего не оставалось, как повернуться и сойти на берег, громко топая по трапу и делая вид, будто ему что-то попало в глаза. Ему показалось, что он очень долго шел к оживленному причалу. Там он встал рядом с Байязом, Ки, Длинноногим и Ферро.

– Мастер Девятипалый вполне способен о себе позаботиться, смею заметить, – произнес первый из магов.

– О, это точно, – хихикнул Длинноногий. – Еще как!

Они направились в город. Напоследок Джезаль обернулся и бросил прощальный взгляд на корабль. Логен снял руку с поручней, поднял ее, но угол какого-то пакгауза вырос между ними, и северянин исчез из виду. Ферро замешкалась на мгновение, мрачно взглянула в сторону моря, сжала кулаки. Мышца на лице напряглась и подрагивала. Затем Ферро повернулась и заметила, что Джезаль смотрит на нее.

– Чего уставился?

Она решительно прошла мимо и последовала за остальными на запруженные людьми улицы Адуи.

Город остался таким же, каким Джезаль помнил его, но все-таки что-то изменилось. Здания как будто съежились и суетливо толпились, теснясь одно к другому. Даже широкий Средний проспект, главная артерия города, производил впечатление какой-то ужасной толчеи после огромных открытых пространств Старой империи и внушавших страх аллей разрушенного Аулкуса. Там, на огромной равнине, даже небо было выше. Здесь все представало в урезанном виде, а что еще хуже, везде чувствовался неприятный запах, которого прежде Джезаль не замечал. Он шел, сморщив нос, неловко уклоняясь от толкавшихся, напивавших со всех сторон прохожих.

Еще более странно выглядели люди. Много месяцев подряд Джезаль не видел толпы более чем в десять человек. А теперь тысячи суетились вокруг, спешно направляясь по собственным делам. Вялые, чистенькие, разодетые в яркие безвкусовые одежды, они казались ему нелепыми как цирковые клоуны. Мода слегка изменилась, пока он отсутствовал, пока он глядел в лицо смерти: шляпы заламывали под другим углом, рукава стали более широкими, воротнички рубашек уменьшились так, что год назад их называли бы куцыми. Джезаль фыркнул, поймав себя на таких мыслях. Удивительно, что подобная ерунда еще интересует его. Заметив несколько надушенных, разодетых денди, прошеествовавших мимо, он проводил их презрительным взглядом.

Компания мага численно уменьшалась по мере того, как они шли по городу. Первым бурно попрощался Длинноногий: крепко пожал всем руки, болтая о чести и уважении, и обещал новую встречу – как подозревал и надеялся Джезаль, неискренне. Около большой торговой площади Четырех Углов отстал Ки – то ли по какому-то заданию, то ли по другому поводу. Как обычно, он был сдержан и молчалив. Джезаль остался в обществе первого из магов и Ферро – насупившись и сутулясь, она шла последней.

Сказать по правде, Джезаль не возражал против расставания со спутниками. Девятипалый, конечно, оказался надежным товарищем, но других членов этой семейки Джезаль вряд ли пригласил бы к себе на обед. Он давно перестал надеяться на то, что суровая броня Ферро даст трещину и покажет ее скрытую нежную сущность. Но дурной нрав Ферро хотя бы был предсказуем. Байяз же при случае мог стать опасным. Отчасти он походил на добродушного дедушку, но что представляла собой его вторая половина? Всякий раз, когда старик раскрывал рот, Джезаль вздрагивал от предчувствия чего-то неприятного.

Но пока Байяз непринужденно и даже мило болтал, чтобы скрасить время.

– Могу ли я поинтересоваться, каковы ваши планы, капитан Луфар?

– Полагаю, меня пошлют в Инглию, сражаться с северянами.

– Я тоже так думаю. Но мы никогда не знаем, каким боком повернется к нам судьба.

Джезаль не обратил особого внимания на его слова.

– А вы? Вы вернетесь...

Он вдруг понял, что не имеет ни малейшего понятия, откуда родом маг.

– Не сразу. Я задержусь в Адуе на какое-то время. Великие дела грядут, мой мальчик, великие дела. Возможно, я останусь посмотреть, во что это выльется.

– А ну пошла, сука! – послышался крик с обочины.

Три солдата городской стражи окружили девочку в разорванном платье, с грязным лицом. Один склонился над ней, сжимая в руке трость, и кричал на нее, сжавшуюся в комок от страха. Вокруг собралась поглазеть толпа людей, которых трудно было назвать респектабельными, – по большей части чернорабочие, они выглядели не намного опрятнее, чем нищенка.

– Что вы к ней привязались? – грубо крикнул кто-то из толпы.

Один из стражников сделал предупредительный шаг в сторону собравшихся и поднял трость, пока его товарищ держал девочку за плечи. Он пнул ногой чашку для подаяния, несколько монет выпали и покатались в грязь.

– Это уж слишком, – промолвил Джезаль вполголоса.

– Да. – Байяз опустил глаза. – Такие вещи происходят постоянно. Ты хочешь сказать, что никогда не видел, как гонят нищих?

Джезаль, конечно, видел такое часто, и его это не тревожило. Нищие, в конце концов, не должны заполнять улицы и мешаться под ногами. Но сейчас привычная сцена заставила его ощутить беспокойство. Несчастная бродяжка упиралась и кричала, а стражник волочил ее по земле силой, в чем совершенно не было необходимости – просто ради удовольствия. Протест Джезала вызвал не сам поступок, а то, как вел себя страж порядка у него на глазах, совершенно не заботясь о том, что он при этом испытывает. Он почувствовал себя соучастником.

– Это отвратительно, – процедил он сквозь зубы.

Байяз пожал плечами.

– Если это тебя беспокоит, почему бы не вмешаться?

В тот же миг стражник схватил девочку за грязные волосы и сильно ударил палкой. Она вскрикнула и упала, схватившись руками за голову. Джезаль почувствовал, как у него перекосилось лицо. Ему потребовалось мгновение, чтобы пробиться сквозь толпу и крепко пнуть стражника в спину, так что тот плюхнулся в канаву. Один из его товарищей двинулся вперед, подняв палку, но сразу же отступил. Джезаль вдруг осознал, что держит в руках два обнаженных клинка. Их полированные лезвия поблескивали в тени здания.

Зрители ахнули и попятились. Джезаль на секунду закрыл глаза: он не предполагал, что дело пойдет так далеко. Чертов Байяз и его идиотский совет! Теперь придется довести все до конца. Он постарался придать своему лицу выражение бесстрашия и презрительного превосходства.

– Еще шаг, и я проткну тебя, как свинью, каковой ты и являешься. – Он переводил взор с одного стражника на другого. – Ну, есть у кого-нибудь желание испытать меня?

Джезаль не сомневался, что никто из них не отважится на такое и можно не тревожиться об этом. И он не ошибся – охранники трусливо ступевались перед решительным сопротивлением и старались держаться подальше от его клинков.

– Никому не позволено обращаться со стражей подобным образом. Мы тебя разыщем, можешь не сомневаться...

– Найти меня не составит труда. Я капитан Луфар, из королевской гвардии. Я живу в Агрионте. Это место трудно не заметить – крепость возвышается над городом!

Он указал длинным клинком на ведущую к Агрионту улицу, заставив одного из

охранников в испуге отскочить.

– Я готов принять вас, когда вам будет удобно. Вы сможете объяснить моему командиру, лорд-маршалу Варузу, ваше отвратительное поведение по отношению к этой женщине, гражданке Союза, которая не провинилась ни чем, кроме того, что она бедна.

Безусловно, это звучало нелепо и напыщенно. Джезаль чувствовал, как краска заливает его лицо от смущения, когда он заканчивал речь. Он сам всегда относился с презрением к беднякам, и нельзя сказать, что его мнение коренным образом изменилось. Однако он уже влез в эту историю, и ничего не оставалось, как завершить ее триумфально.

Но его слова произвели на стражников впечатление. Трое солдат попятились, криво усмехаясь, словно все сложилось именно так, как они и планировали, предоставив Джезалю пожинать совершенно нежелательный восторг толпы.

– Отлично, парень!

– Неплохо бы выпустить кое-кому кишки!

– Как, он сказал, его зовут?

– Капитан Луфар! – неожиданно громко возвестил Байяз, заставив Джезаль, убиравшего клинки в ножны, резко обернуться к нему. – Капитан Джезаль дан Луфар, победитель прошлогоднего турнира, только что вернулся после своего путешествия на запад. Луфар, вот как его зовут!

– Луфар, он сказал?

– Тот, который победил на турнире?

– Да, это он! Я видел, как он одолел Горста!

Теперь вся толпа с уважением взираала на Джезаль широко раскрытыми глазами. Кто-то протянул руку, будто хотел прикоснуться к краю его камзола. Джезаль отпрянул и наткнулся на нищенку, послужившую причиной этой неприятной истории.

– Спасибо, – произнесла девочка с безобразным простонародным акцентом, что отчасти можно было объяснить ее разбитым, окровавленным ртом. – Огромное спасибо, сэр.

– Не за что, – Джезаль отстранился, чувствуя себя крайне неловко.

Вблизи она была очень грязной, а ему совсем не хотелось подхватить какую-нибудь болезнь. Однако уважительное внимание собравшихся ему скорее нравилось. Он продолжал шаг за шагом отступать, они же смотрели на него, улыбаясь и бросая восхищенные реплики.

Ферро искоса мрачно поглядывала на него, когда они вдвоем уходили с площади Четырех Углов.

– В чем дело? – резко спросил Джезаль.

Она пожала плечами.

– А ты не такой трус, как казалось.

– Благодарю за столь высокую оценку. – Он повернулся к Байязу. – Что, черт возьми, это значит?

– Это значит, что ты совершил милосердный поступок, мой мальчик, и я горжусь тобой. Это значит, что мои уроки не прошли даром.

– Я про то, – недовольно заметил Джезаль, уверенный, что постоянные поучения Байяза не имели ровным счетом никакого смысла, – что ты объявил им мое имя. Зачем? Теперь разговоры обо мне пойдут по всему городу.

– Я не думал об этом. – Маг едва заметно улыбнулся. – Просто почувствовал, что за свои поступки ты вполне заслуживаешь репутацию благородного человека. Ты помог тому, кому меньше повезло в жизни, ты поддержал женщину, попавшую в беду, защитил слабого и так

далее. Это и в самом деле достойно восхищения.

– Но... – пробормотал Джебаль, подозревая, что над ним смеются.

– Здесь наши пути расходятся, мой юный друг.

– Неужели?

– А куда ты направляешься? – подозрительно спросила старика Ферро.

– У меня есть кое-какие дела, – ответил маг. – И ты отправишься со мной.

– А почему я должна идти с тобой?

После того как они сошли с корабля, настроение Ферро было явно еще хуже обычного.

Это само по себе было примечательно.

Байяз закатил глаза.

– Потому что у тебя отсутствуют элементарные навыки общественной жизни, без которых ты и пяти минут не протянешь в таком местечке, как это! А ты, как я понимаю, – спросил он Джебаль, – собираешься вернуться в Агрионт?

– Да. Да, конечно.

– Что ж, тогда я хочу поблагодарить тебя, капитан Луфар, за важную роль, которую ты сыграл в нашем маленьком путешествии.

«Что ты несешь, магическая задница! Наше «путешествие» было колоссальной, просто безобразной тратой времени. Все впустую и совершенно провально».

Но вслух Джебаль сказал только:

– Конечно да. – Он взял руку старика, приготовившись слегка пожать ее. – Для меня было честью...

Однако рукопожатие Байяза оказалось невероятно твердым.

– Приятно слышать.

Он притянул Джебаль к себе, и тот уперся взглядом в поблескивающие зеленые глаза мага, мгновенно потеряв присутствие духа.

– Может снова возникнуть необходимость сотрудничества.

Джебаль моргнул. Новое сотрудничество с магом – худшая из перспектив.

– Ну, тогда... возможно... до скорого? Еще повидаемся.

«Но лучше не надо».

Байяз только усмехнулся, отпустив подрагивающие пальцы Джебаль.

– О, я уверен, мы еще обязательно встретимся.

Солнце радостно сияло, пробиваясь сквозь ветви ароматного кедра и отбрасывая знакомую пятнистую тень на землю. Ласковый ветерок овеивал внутренний двор, и птицы щебетали на ветвях деревьев, как и прежде. Старые здания казарм не изменились: заросшие шелестящим на ветру плющом, они обступили узкий двор со всех сторон. На этом, пожалуй, совпадение с прекрасными и счастливыми воспоминаниями заканчивалось. Мелкая поросль мха взбиралась на ножки стульев, поверхность стола покрылась толстой коркой птичьего помета, трава, которую не стригли уже много недель, доставала Джебаль до икр.

Сами игроки давно покинули это место. Он рассматривал тени, скользившие по серому деревянному столу, вспоминал смех, запах дыма и горячительных напитков, ощущение карт в руке. Вот здесь сидел Челенгорм, игравший лихо и напористо. Вот здесь Каспа посмеивался над шуточками в свой адрес. Вот здесь Вест, откинувшись назад, качал головой с явным неодобрением. Вот здесь Бринт нервно тасовал карты в руках, надеясь на большой выигрыш, так и не случившийся.

А здесь сидел сам Джезаль. Он взял стул, вытащил его из разросшейся травы, подвинул к столу, сел и, упершись одной ногой в стол, откинулся назад. Было трудно поверить сейчас, что он действительно сидел вот так когда-то, внимательно наблюдал, выстраивал комбинации и придумывал, как обставить товарищей. Он сказал себе, что больше никогда не вяжется в подобную глупость. Разве что на пару партий.

Джезаль думал, что почувствует себя дома после того, как отмоется, тщательно побреется и острижет длинные, спадающие на лицо волосы. Но его ждало разочарование. Привычный порядок вещей заставлял его чувствовать себя чужаком в собственных запыленных комнатах. Его ничуть не радовали начищенные до блеска обувь и пуговицы или безупречно пришитые золотые галуны.

Встав наконец перед зеркалом, перед которым он прежде проводил так много приятных часов, Джезаль вдруг почувствовал, что отражение решительно раздражает его. Исхудавший, потрепанный ветрами и непогодой путешественник смотрел на него горящим взором с гладкой поверхности виссеринского стекла. Песочного цвета борода прикрывала уродливый шрам, прорезавший его искривленную челюсть. Старый мундир был неприятно тесен, слишком туго накрахмален и сильно давил шею воротником. Джезаль больше не чувствовал себя солдатом.

И он не понимал, кем теперь должен считать и чувствовать себя, проведя столько времени вдалеке. Все настоящие офицеры находились в Инглии, с армией. При желании Джезаль мог бы разыскать лорд-маршала Варуза, но он слишком хорошо узнал, что такое опасность, и не хотел снова нарываться на нее. Он исполнит свой долг, если от него этого потребуют. Но сначала пусть его найдут.

А пока у него найдется другое занятие. Сама мысль об этом пугала и одновременно интриговала. Сунув палец под воротник, он дернул его, стараясь ослабить давление на горло. Не помогло. Все же, как любил говорить Логен Девятипалый, лучше сделать дело, чем жить в страхе перед ним. Джезаль взял свой офицерский меч, поглядел минуту на нелепый латунный орнамент на рукоятке, бросил оружие на пол и, толкнув ногой, зашвырнул под кровать. Как-то он жалко смотрится, сказал бы Логен. Джезаль достал послуживший ему во время путешествия длинный клинок и прикрепил его к ремню. Потом глубоко вздохнул и направился к выходу.

Ничего опасного на улице не наблюдалось. Это была тихая часть города, здесь не было ни суетливой торговли, ни шумного, вечно грохочущего производства. На соседней улице какой-то точильщик ножей во все горло предлагал свои услуги. Под кровлями скромных на вид домов застенчиво ворковали голуби. Послышались и быстро затихли звуки цокающих копыт и скрипящих колес повозки. И снова все замерло.

Джезаль прошелся туда-сюда мимо дома и больше не решался повторять это, боясь, что Арди заметит его в окно, узнает и спросит, какого черта он сюда явился. Он описывал круги в дальнем конце улицы, подыскивая слова, которые надо сказать, когда она покажется на пороге.

«Я вернулся к тебе». Нет, нет, слишком напыщенно.

«Привет, как дела?» Нет, несерьезно.

«Это я, Луфар». Слишком холодно.

«Арди, я соскучился по тебе». Слишком сентиментально.

Тут он заметил мужчину, хмуро наблюдавшего за ним из окна верхнего этажа,

закашлялся и поспешил к дому, бормоча себе под нос снова и снова:

– Лучше сделать дело, лучше сделать дело, лучше сделать дело...

Джезаль постучал кулаком в деревянную дверь. Он стоял и ждал, сердце бешено колотилось в груди. Щеколда отодвинулась, и он изобразил самую очаровательную улыбку, на какую был способен. Дверь открылась, и низенькая, круглолицая, крайне непривлекательная девица уставилась на него через порог. Несомненно, это никак не могла быть Арди, сколь бы изменчива ни была жизнь.

– Да?

– Э-э...

Служанка. Глупо было думать, что Арди сама пойдет открывать входную дверь. Она простолюдинка, но не нищенка. Джезаль кашлянул, прочищая горло.

– Я вернулся... То есть я хочу сказать... Арди Вест живет здесь?

– Да.

Служанка распахнула дверь шире, чтобы Джезаль смог пройти в тускло освещенный коридор.

– Как мне доложить, кто спрашивает?

– Капитан Луфар.

Она неожиданно резко вздернула голову и повернула ее, словно та была привязана невидимой ниточкой, и Джезаль непроизвольно дернул за нее.

– Капитан... Джезаль дан Луфар?

– Да, – проговорил он негромко, весьма озадаченный.

Неужели Арди обсуждала его со служанкой?

– О... Если вы подождете...

Девушка указала ему на дверь в комнату и поспешно удалилась.

Глаза у нее были раскрыты так широко, словно к ней явился сам император Гуркхула, никак не меньше.

Мрачная, полутемная гостиная производила такое впечатление, будто ее обставлял очень богатый и очень безвкусный человек, которому не хватило места для воплощения всех его намерений. Тут стояли несколько кресел, обитых яркой, кричащей тканью, невероятных размеров шкаф, облепленный вульгарными украшениями, на стене висела картина столь внушительных размеров, что будь она хоть чуть больше, комнату пришлось бы расширять за счет соседних помещений. Два блеклых луча света, пробившихся сквозь плотные занавески, освещали полированную поверхность старинного стола, правда, слегка шатающегося. Каждая вещь могла бы неплохо смотреться сама по себе, но вместе они создавали душную атмосферу. Однако, убеждал себя Джезаль, невеселым взглядом осматриваясь вокруг, он пришел сюда ради Арди, а не ради ее мебели.

Это даже забавно. От волнения он чувствовал слабость в коленях, во рту пересохло. Он то и дело оборачивался на дверь, и с каждым мгновением ожидания его состояние ухудшалось. Такого страха Джезаль не ощущал даже в Аулкусе, когда на него с ревом набросилась целая толпа шанка. Он нервно прохаживался по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Из-за шторы поглядывал на тихую улицу. Перегнувшись через стол, пытался рассмотреть картину на стене. На полотне был изображен крепкого телосложения король в огромной короне, восседавший на троне, а знатные вельможи в отороченных мехом одеждах теснились у его ног, кланяясь. Гарод Великий, догадался Джезаль, однако это открытие доставило ему не много радости. Эта была излюбленная и одна из самых

утомительных тем Байяза – описание свершений этого монарха. Что бы там ни происходило с великим королем, какое Джезалю до него дело? Шел бы Гарод Великий...

– Так-так...

Арди стояла на пороге, на темных волосах, на подоле белого платья играли отблески яркого света из коридора. Она склонила голову набок, едва заметная улыбка сияла на едва различимом в сумраке лице. Похоже, она совсем не изменилась. В жизни часто случается так: то, чего ждешь с особым нетерпением, оборачивается глубоким разочарованием. Но снова увидеть Арди после долгой разлуки – это было что-то невероятное. Все тщательно подготовленные фразы испарились из памяти, в голове было пусто – как в тот раз, когда он впервые увидел ее.

– Значит, вы живы, – негромко проговорила она.

– Да... э-э... вроде того.

Он попытался улыбнуться, но получилось плохо.

– Вы думали, что я мертв?

– Надеялась, что так.

От ее слов он разом перестал улыбаться.

– За столь долгое время я не получила от вас ни строчки. Я думала, вы позабыли обо мне.

Джезаль поморщился.

– Простите, что не писал. Я виноват, очень виноват. Я хотел...

Арди захлопнула дверь и прислонилась к ней, сложив руки за спиной. Ее взгляд, устремленный на него, становился все мрачнее.

– Не было дня, чтобы меня не обуревало желание сделать это. Но я взял на себя обязательство, и у меня не было возможности рассказать кому-либо о происходившем. Даже моей семье... Я был... Я был очень далеко на западе.

– Я знаю. Весь город только и твердит об этом, вот и я слышала.

– Вы слышали?

Арди кивнула в сторону коридора.

– Узнала от горничной.

– От горничной?

Какого черта и откуда кто-то в Адуе мог знать о его злоключениях? А тем более – горничная Арди Вест. Воображение рисовало множество неприятных картин. Толпы слуг хихикают над тем, как он лежит с разбитым изуродованным лицом. Из уст в уста передаются слухи о том, какой глупый вид был у капитана Луфара, когда какой-то грубый северянин, покрытый шрамами, кормил его с ложечки. Джезаль почувствовал, как у него загорелись уши.

– И что она сказала?

– О, вы сами знаете. – Арди рассеянно прошла в комнату. – Что вы взбирались на стены во время осады Дармиума. Открыли ворота людям императора и так далее...

– Что?

Он растерялся еще сильнее.

– Дармиум? То есть... кто ей сказал...

Арди подошла ближе, потом еще ближе. Джезаль охватило смятение, он запнулся и остановился. Еще ближе – и вот, приподняв голову, она взглянула ему в лицо. Ее губы приоткрылись, она была так близко, словно собиралась обнять его и поцеловать. Так близко, что Джезаль наклонился вперед в предвкушении, прикрыв глаза, его губы вздрогнули... Но

она вдруг отвернулась и отступила, ее взметнувшиеся волосы легко задели его лицо. Арди направилась к шкафу, открыла его и достала графин, а Джезаль замер в полной растерянности посреди комнаты. В безысходной тишине он наблюдал, как она наполняет два бокала, протягивает один ему, и вино, расплескавшись, стекает тягучими каплями по стеклянной поверхности.

– Вы изменились.

Джезаль ощутил неожиданный прилив стыда. Его рука невольно потянулась к подбородку, чтобы прикрыть шрам.

– Я не про это. Ну, не только про это. Про все. Вы совсем другой.

– Я...

Воздействие, которое она на него оказывала, сейчас было еще сильнее, чем прежде. Раньше на него не влиял непомерный груз ожидания, многодневные мечтания и предвкушения вдали, на чужой дикой земле.

– Я тосковал по вас, – произнес он, не задумываясь, смутился и сменил тему, чтобы взять себя в руки. – Есть ли известия о вашем брате?

– Он пишет мне каждую неделю. – Арди откинула голову и опорожнила бокал, потом снова налила в него вина. – С тех пор как выяснилось, что он все-таки жив.

– Что?

– Месяц или больше я считала, что он погиб. Он едва уцелел в сражении.

– А что, было сражение? – осведомился Джезаль, и его голос невольно сорвался. Только сейчас он вспомнил, что идет война. Конечно, должны быть и сражения. Он овладел голосом.

– Какое сражение?

– То, в котором убили принца Ладислава.

– Ладислав мертв? – Его голос снова сорвался.

Джезаль видел принца всего несколько раз. Тот неизменно производил впечатление человека, абсолютно поглощенного собой и потому несокрушимого. Очень трудно было вообразить, что Ладислава проткнули мечом или пронзили стрелой и он умер, как простой смертный. Но именно так все и случилось.

– А потом убили его брата.

– Рейнольд? Он убит?

– В своей собственной постели во дворце. Когда король умрет, будут выбирать нового голосованием на Открытом совете.

– Выбирать?

Голос Джезали прозвучал так высоко, что он почувствовал боль в горле.

Арди снова наполнила свой стакан.

– Посланец Уфмана был повешен за это преступление, хотя, скорее всего, был невиновен. Так что война с гурками все тянется и тянется.

– Мы по-прежнему воюем с гурками?

– Дагоска пала в начале года...

– Дагоска... пала?

Большим глотком Джезаль осушил стакан и уставился в пол, стараясь осмыслить то, что услышал. Он бы не удивился, если бы что-то изменилось за время его отсутствия, но не ожидал, что все перевернется вверх дном. Война с гурками, сражения на Севере, выборы нового короля...

– Налить еще? – спросила Арди, взяв кувшин и слегка покачивая его.

– Думаю, не помешает.

Великие события, конечно. Как и сказал Байяз. Джезаль смотрел, как Арди наливает вино, сосредоточенно и почти сердито глядя перед собой, пока жидкость пенилась и заполняла бокал. Он заметил небольшой шрам на ее верхней губе, на который прежде не обращал внимания, и ему вдруг неодолимо захотелось прикоснуться к ней, погрузить пальцы в ее волосы, прижать к себе. Великие события творились вокруг, но они казались незначительными по сравнению с тем, что происходило сейчас, в этой комнате. Вся его жизнь может измениться в следующие несколько мгновений, если он сможет найти правильные слова и заставит себя произнести их.

– Я действительно скучал по тебе, – выдавил он.

Эту ничтожную попытку она вмиг свела на нет горькой усмешкой:

– Не будь глупцом.

Джезаль взял ее за руку, вынудив взглянуть ему в лицо.

– Я был глупцом всю мою жизнь. Но не сейчас. Далеко отсюда, на равнине, бывали моменты, когда мою жизнь поддерживала лишь мысль о том, что я еще увижу тебя. Каждый день я думал о нашей встрече.

Она смотрела на него так же неодобрительно, застыв в неподвижности. Ее нежелание ответить на его чувство было невыносимо горьким, особенно после того, через что ему пришлось пройти.

– Арди, пожалуйста! Я пришел не для того, чтобы ссориться.

Опрокинув еще один стакан, она мрачно уставилась в пол.

– Я не знаю, зачем ты пришел.

«Потому что я люблю тебя и не хочу больше никогда с тобой разлучаться. Пожалуйста, скажи, что ты хочешь стать моей женой!»

Он почти произнес это, но в последний момент увидел ее презрительную насмешку и остановился. Он забыл о том, как невыносимо трудно с ней бывает.

– Я пришел, чтобы принести извинения. Я подвел тебя, знаю. Я пришел сразу, как только смог, но вижу, ты не в настроении. Зайду позже.

Резко повернувшись, он направился к двери, но Арди оказалась перед ней раньше, повернула ключ в замке и выдернула его.

– Ты оставил меня здесь совершенно одну, ни разу не удосужился написать, а теперь вернувшись, хочешь улизнуть, даже не поцеловав меня?

Она сделала шаг к нему и пошатнулась, Джезаль поддержал ее.

– Арди, ты пьяна.

Она раздраженно покачала головой.

– Я всегда пьяна. Но разве ты не сказал, что соскучился по мне?

– Но... – пробормотал он, испытывая непонятный страх. – Я думал...

– Вот в чем твоя проблема, понимаешь? Надо думать, а ты не очень-то силен в этом.

Она толкнула его к столу. Меч подвернулся под ноги Джезалю, и он вынужден был схватиться за край, чтобы не упасть.

– Разве я не ждала тебя? – прошептала Арди, и он почувствовал на лице ее горячее дыхание, кисло-сладкое от вина. – Как ты и просил.

Ее рот с нежностью прижался к его рту, кончик языка скользнул по его губам. Арди нежно заворковала и тесно прислонилась к нему. Джезаль почувствовал, как ее рука

спустилась к его паху и осторожно прикоснулась к нему через брюки.

Ощущение было приятное, оно вызвало немедленное возбуждение. Очень приятно, но беспокойство все-таки не исчезло. Он тревожно глянул на дверь.

– Как насчет слут? – хрипло поинтересовался он.

– Если им не нравится, могут поискать себе другую хренову работу. Не я придумала нанять их.

– Не ты? А кто же?

Она запустила пальцы ему в волосы и резко развернула его голову, так что теперь могла говорить ему прямо в лицо.

– Забудь о них. Ты пришел ко мне или как?

– Да... да... конечно.

– Скажи это еще раз!

Рука Арди почти до боли стиснула его мошонку.

– Я пришел к тебе.

– Правда? Так вот она я. – Ее пальцы расстегнули его ремень. – Не стесняйся.

Он попытался отнять ее руку.

– Арди, подожди...

Свободной рукой она резко хлестнула его по щеке, так что голова Джекзала откинулась набок, в ушах зазвенело.

– Я просидела тут без дела шесть месяцев, – зашипела она ему в лицо слегка заплетающимся языком. – Знаешь, какая скука меня одолевала? А теперь ты говоришь мне: подожди? Да пошел ты!

Арди грубо залезла ему в брюки, вытащила член и стала тереть его одной рукой, крепко обхватив лицо Джекзала другой, пока он не закрыл глаза и не задышал прерывисто ей в лицо. Он забыл обо всем, кроме ее пальцев.

Ее зубы впились ему в губу, причиняя боль. Она сжимала их все сильнее.

– О! – простонал он.

Она уже кусала его. Кусала со вкусом, словно хотела съесть. Он попытался отодвинуться, но за спиной был стол, и Арди быстро подавила его сопротивление. Боль и изумление Джекзала возрастали по мере того, как она продолжала его кусать.

– А-ах! – Он вывернул ее руку за спину, крепко схватив за запястье, и резким толчком бросил Арди на стол.

Она вскрикнула, ударившись лицом о полированную поверхность.

Джекзаль стоял над ней, потрясенный. Во рту было солоно от крови. Сквозь растрепанные волосы Арди он видел ее темный глаз, смотревший на него из-за плеча тускло и равнодушно. Она тяжело дышала, ее волосы растрепались. Джекзаль резко отпустил ее запястье, и освобожденная рука упала, на ней остались красноватые отметины от его пальцев. Потом Арди потянулась вниз, ухватила за платье и грубо задрала его. Нижние юбки сбились, завернувшись вокруг талии, и перед Джекзалем предстал ее голый бледный зад.

Что ж... Возможно, он стал другим человеком, но оставался мужчиной.

С каждым толчком голова Арди ударялась о полированную столешницу, а его плоть прижималась к ее ягодицам. С каждым толчком брюки Джекзала сползали все ниже и ниже, пока рукоять меча не опустилась на ковер. С каждым толчком стол издавал недовольный скрип, громче и громче, словно они совокуплялись на спине какого-то старика, не

одобрявшего их поведение. С каждым толчком Арди постанывала, а он тяжело дышал – не от удовольствия или боли, а просто от усилия. Все закончилось благословенно быстро.

Часто бывает в жизни, что моменты, которых мы ждем с особым нетерпением, приносят глубокое разочарование. Сейчас, без сомнения, был один из таких случаев. Все бесконечные часы на равнине, перед лицом смертельной опасности, измотанный путешествием, с мозолями от седла, он мечтал снова увидеть Арди. И то, что он воображал себе, не очень-то соответствовало поспешному и грубому совокуплению на столе в безвкусно обставленной гостиной. Когда они закончили, Джезаль сунул поникший член обратно в штаны и почувствовал себя виновным, пристыженным и чрезвычайно жалким. Щелкнул замок на ремне – и ему захотелось разбить лоб о стену. Она поднялась, опустила юбки и расправляла их, глядя в пол. Он прикоснулся к ее плечу.

– Арди...

Она сердито скинула его руку и отошла в сторону. Потом, отвернувшись, бросила что-то на ковер позади себя. Послышался стук. Ключ от двери.

– Можешь идти.

– Что?

– Иди! Ты получил то, чего хотел?

Не веря собственным ушам, Джезаль облизнул окровавленную губу.

– Ты думаешь, это то, чего я хотел?

В ответ ни слова.

– Я люблю тебя.

Она сдавленно кашлянула, словно ее вот-вот вырвет, медленно покачала головой и спросила:

– Зачем?

Он уже сомневался во всем. Он сомневался в своих намерениях и чувствах. Он хотел начать снова, но не знал как. Все превратилось в необъяснимый кошмар, и ему очень хотелось очнуться.

– Что значит «зачем»? О чем ты?

Она наклонилась вперед, сжав кулаки, и закричала ему в лицо:

– Я мерзкое ничтожество! Все, кто меня знает, ненавидят меня! Мой собственный отец ненавидел меня! Мой собственный брат! – В ее голосе послышалась хрипота, лицо перекосилось, от гнева и отчаяния изо рта брызгала слюна. – Я разрушаю все, к чему прикасаюсь. Я дерьмо, вот я кто! Ты можешь понять это?

Арди закрыла лицо руками и повернулась к нему спиной. Плечи ее задрожали.

Он, моргая, смотрел на нее, его губы дрожали. Прежний Джезаль дан Луфар, наверное, схватил бы ключ, поспешил покинуть комнату и очутиться на улице, чтобы никогда сюда не возвращаться, да еще был бы рад, что так легко отделался. Новый Джезаль размышлял об этом. Он размышлял об этом напряженно. У него было больше силы воли, чем у того, прежнего. Во всяком случае, он убеждал себя в этом.

– Я люблю тебя.

Слова, произнесенные его окровавленным ртом, имели явный привкус лжи, но он зашел далеко, слишком далеко, чтобы поворачивать назад.

– Я по-прежнему тебя люблю.

Он прошел по комнате и, хотя Арди пыталась его оттолкнуть, обнял ее.

– Ничего не изменилось.

Разворошив ее волосы, он прислонил ее голову к своей груди. Она тихо плакала, захлебываясь от рыданий и пуская сопли на его парадный мундир.

– Ничего не изменилось, – прошептал Джебаль.

Но на самом деле все было наоборот.

Они сидели не так близко, чтобы их единение было очевидно для всех.

«Просто двое мужчин, между делом опустившие зады на одну скамейку».

Стояло раннее утро. Солнце нестерпимо слепило глаза Глокты и бросало золотые отблески на покрытую росой траву, на шелестящую листву, на бегущие ручьи в парке, но в воздухе ощущалась предательская прохлада. Лорд Веттерлант был ранней пташкой.

«И я тоже, выходит. Ничто так не побуждает человека пораньше покинуть постель, как постоянная бессонница от нестерпимых приступов боли».

Его светлость сунул руку в бумажный пакет, вытащил щепотку хлебных крошек, зажав их между указательным и большим пальцами, и бросил под ноги. Целая толпа надутых от важности уток уже собралась вокруг, и теперь они яростно нападали друг на друга, пытаясь ухватить побольше крошек. Пожилой вельможа наблюдал за ними, и его изборожденное морщинами лицо походило на плохо натянутую бездушную маску.

– Я не питаю иллюзий, наставник, – произнес он монотонно, почти не шевеля губами и не глядя на собеседника. – Я не такая важная персона, чтобы принимать участие в этом состязании, даже если бы захотел. Но моей важности хватит на то, чтобы получить хоть какую-то выгоду от этого. И я намереваюсь получить все, что могу.

«Значит, давай сразу к делу. Нет нужды болтать о погоде, или о детишках, или о сравнительных достоинствах разноцветных уток».

– В этом нет ничего постыдного.

– Не думаю. У меня семья, которую я должен кормить, и она растет с каждым годом. Я решительно не советую заводить слишком много детей.

«Ха, это точно не проблема».

– Кроме того, я держу собак, их тоже надо кормить, и у них отменный аппетит.

Веттерлант глубоко и сипло вздохнул, бросив птицам еще крошек.

– Чем выше поднимаешься, наставник, тем больше тех, кто от тебя зависит, скулит, желает получить объедки с твоего стола. Печально, но факт.

– На вас лежит большая ответственность, милорд. – Лицо Глокты передернула судорога, он почувствовал спазм в ноге и постарался осторожно выпрямить ее, пока колено не щелкнуло. – Могу ли я узнать, насколько большая?

– У меня есть мой собственный голос, и я контролирую трех других заседателей в Открытом совете. Это семьи, связанные с моей собственной узами соседства, дружбы, брака или по давней традиции.

«Подобных связей может оказаться недостаточно в нынешние времена».

– Вы уверены в этих троих?

Веттерлант обратил свои холодные глаза к Глокте.

– Я не глупец, наставник. Цепь, на которой я держу своих псов, весьма надежна. Я уверен в них. Настолько, насколько можно быть уверенным хоть в чем-то в наши беспокойные времена.

Он бросил еще щепотку крошек на траву, и утки закричали, начали клевать и бить друг дружку крыльями.

– Четыре голоса, значит.

«Во всяком случае, кусок большого пирога».

– Четыре голоса.

Глокта закашлялся и быстро проверил, нет ли вокруг подслушивающих. Девушка с трагическим лицом безразлично смотрела на воду в самом конце тропинки. Два помятых офицера королевской гвардии сидели на скамейке довольно далеко в другой стороне и громко спорили, кто из них больше выпил накануне ночью.

«Возможно ли, что эта печальная особа шпионит в пользу лорда Брока? А эти два офицера – доносчики верховного судьи Маровии? Мне везде мерещатся агенты. А ведь так и есть на самом деле. Агенты повсюду».

Он понизил голос и перешел на шепот:

– Его преосвященство предлагает пятнадцать тысяч марок за каждый голос.

– Понятно. – Полуопущенные веки Веттерланта едва заметно дернулись. – Но этого мяса едва хватит только на моих собак. На мой собственный стол уже ничего не останется. Я должен вам сказать, что лорд Барезин – иносказательно, конечно, – уже предложил мне восемнадцать тысяч за голос, а в придачу великолепный участок земли рядом с моим поместьем. Леса, где можно охотиться на оленей. Вы охотник, наставник?

– Был охотником. – Глокта потрогал свою искаленную ногу. – Но с некоторых пор уже нет.

– А, да. Примите мое сочувствие. Я всегда любил хорошо отдохнуть... Потом меня посетил лорд Брок.

«Удивительно, кстати, для вас обоих».

– Он был настолько добр, что предложил двадцать тысяч и весьма привлекательную партию для моего старшего сына – свою младшую дочь.

– Вы приняли его предложение?

– Я сказал, что слишком рано на чем-либо останавливаться.

– Уверен, его преосвященство сможет увеличить сумму до двадцати одной тысячи, но нужно будет...

– Посланец верховного судьи Маровии уже предложил мне двадцать пять.

– Харлен Морроу? – прошипел Глокта, сжав немногие оставшиеся зубы.

Лорд Веттерлант поднял бровь.

– Кажется, так его звали.

– К сожалению, сейчас я могу предложить вам столько же, не больше. Я сообщу его преосвященству о вашей позиции.

«Уверен, его радость будет беспредельна».

– Я буду с нетерпением ждать известий от вас, наставник.

Веттерлант повернулся к своим уткам и бросил им еще крошек. Едва заметная улыбка тронула его губы, когда он наблюдал, как они дерутся за корм.

Прихрамывая и чувствуя боль при каждом шаге, Глокта добрался до неприметного дома на совершенно неприметной улице. На его лице блуждало некое подобие улыбки.

«Сейчас я свободен, избавлен от удушающего общества великих и добродетельных. Не надо лгать и ловчить, не надо следить за тем, чтобы кто-нибудь не воткнул нож в спину. Возможно, я даже найду место, которое Харлен Морроу еще не успел испоганить. Это было бы приятно...»

Дверь резко распахнулась, едва он успел постучать, и перед Глоктой предстало усмехающееся лицо какого-то мужчины в форме гвардейского офицера. Это было настолько

неожиданно, что Глокта сначала не узнал его. А потом его охватило беспокойство.

– О, капитан Луфар. Вот так сюрприз.

«Причем крайне неприятный».

Луфар сильно изменился. Был такой гладенький мальчишка, а теперь в его облике проступили острые углы, словно его обветрило непогодой. Прежде он поглядывал на всех свысока, теперь же слегка наклонял голову, будто извиняясь. Он отрастил бороду, безуспешно стараясь прикрыть ужасный шрам, рассекавший его губу и переходящий на подбородок.

«Однако нельзя сказать, что шрам его сильно испортил».

– Инквизитор Глокта... э-э...

– Наставник.

– В самом деле? – Секунду Луфар смотрел на него, моргая. – Ну, тогда...

Непринужденная улыбка снова появилась на его лице, и Глокта с удивлением почувствовал, что капитан пожимает его руку с дружеской сердечностью.

– Мои поздравления. Я был бы рад поболтать, но служба зовет. Я давно не был в городе, понимаете ли. Ездил на Север и все такое.

– Конечно.

Глокта мрачно наблюдал за тем, как Луфар беспечно шагает по улице. Он лишь раз украдкой бросил взгляд через плечо, поворачивая за угол.

«Остается один вопрос: почему первым делом он явился сюда».

Глокта проковылял в распахнутую дверь и тихо прикрыл ее за собой.

«Хотя, что удивительного, если молодой мужчина покидает дом молодой женщины рано утром? Эту загадку можно разгадать и без инквизиции его величества. Ведь я и сам когда-то уходил вот так спозаранку. И тоже притворялся, что меня не интересует, провожают ли меня взглядом».

Он прошел по коридору в гостиную.

«Или это был какой-то другой человек?»

Арди Вест стояла к нему спиной, и он слышал, как она наливает вино в бокал.

– Ты что-то забыл? – спросила она через плечо голосом ласковым и игривым.

«Такую интонацию я редко слышу в голосе женщин. Ужас, отвращение и легкий налет жалости знакомы мне куда больше».

Послышалось звяканье, она поставила бутылку.

– Или ты решил, что не выживешь без еще одной...

Она повернулась, на губах играла улыбка. Но улыбка мгновенно угасла, когда Арди увидела, кто стоит перед ней.

Глокта усмехнулся.

– Не волнуйтесь. На меня все так реагируют. Я сам ужасаюсь каждое утро, взглянув на себя в зеркало.

«Если мне удастся распрямиться и встать перед этим чертовым зеркалом».

– Дело в другом, и вы это понимаете. Я просто не думала, что вы придете.

– Да, нынче утром нас всех ожидали сюрпризы. Вы никогда не угадаете, с кем я столкнулся у вас в прихожей.

Она замерла на мгновение, затем небрежно откинула голову и, причмокивая, отпила вино из бокала.

– Вы мне подскажете?

– Хорошо, подскажу.

Глокта сморщился, опускаясь в кресло и вытягивая больную ногу.

– Молодой офицер королевской гвардии с весьма заманчивым будущим.

«Хотя хочется надеяться, что все обернется иначе».

Арди пристально смотрела на него поверх края бокала.

– В королевской гвардии так много офицеров, что я едва могу отличить одного от другого.

– Неужели? Но этот, я припоминаю, в прошлом году победил на турнире.

– Я едва могу вспомнить, кто сражался в финале. Каждый год там происходит одно и то же.

– Это верно. Когда-то я принимал участие в состязании, но с тех пор оно утратило привлекательность. Однако мне кажется, этого парня вы должны помнить. Похоже, после нашей последней встречи с ним кто-то попортил ему лицо. И очень заметно, я бы сказал.

«Но все же и вполтину не так сильно, как мне бы хотелось».

– Вы сердитесь на меня, – произнесла Арди без малейшего упрека в голосе.

– Я бы сказал, что я разочарован. А чего вы ожидали? Я думал, вы умнее.

– Ум не означает благоразумное поведение. Мой отец так говорил. – Привычно откинув голову и резко опрокинув бокал, она допила вино. – Не волнуйтесь. Я способна позаботиться о себе.

– Похоже, не можете. Вы делаете все вызывающе открыто. Вы отдаете себе отчет, что произойдет, если об этой истории станет известно? Вас будут избегать.

– А какая разница? – Арди усмехнулась ему в лицо. – Возможно, вы удивитесь, но мне и сейчас не шлют приглашений во дворец. И явно не по причине застенчивости. Никто не разговаривает со мной.

«Кроме меня. Но мое общество вряд ли обрадует молодую женщину».

– Всем плевать, чем я занята. Если они что-то узнают обо мне, то не удивятся – именно этого они и ожидали от такого дерьма. Проклятые простолюдины ведут себя как животные, разве вы не знаете? Разве не вы говорили мне, что я могу поиметь любого, кого захочу?

– Но я также сказал, что чем меньше секса, тем лучше.

– Полагаю, вы говорили это всем, чьего расположения добивались?

Глокта скривился.

«Не совсем. Я льстил, я умолял, я угрожал и хитрил. Твоя красота ранит меня, ранит в самое сердце. Я сломлен, я умру без тебя. Неужели у тебя нет сострадания? Ты не любишь меня?.. Я делал все, чуть ли не показывал мои инструменты – но когда добивался желаемого, отворачивался и радостно принимался за следующую жертву, даже не оглянувшись на предыдущую».

– Ха! – усмехнулась Арди, словно прочитала его мысли. – Занд дан Глокта, читающий лекции о целомудрии? О, не надо! Скольким женщинам вы искалечили жизнь, прежде чем гурки искалечили вас? У вас была слава!

От напряжения на шее Глокты задрожал мускул, и он несколько раз пошевелил плечом, пока мышцы расслабились.

«Она права. Возможно, одно тихое слово, сказанное известно кому, сработает лучше. Тихое слово или очень громкая ночь с практиком Инеем».

– Ваша постель – это ваше личное дело, как сказали бы в Стирии. Но что знаменитый капитан Луфар делает среди гражданских лиц? Разве он не должен громить северян? Кто спасет Инглию, пока он прохлаждается?

– Он не был в Инглии.

– Нет?

«Неужели папаша отыскал для него тихое и теплое местечко?»

– Он был в Старой империи или что-то в этом роде. За морем, на западе и еще дальше.

Она вздохнула, словно достаточно наслушалась об этом и устала от разговоров.

– Старая империя? А для чего он туда потащился?

– Почему бы вам не узнать у него самого? Какое-то путешествие. Он много говорил об одном северянине. Его зовут Десятипалый или что-то в этом роде.

Глокта вскинул голову.

– Десятипалый?

– Кажется, да. Он и еще какой-то лысый старик.

Лицо Глокты задергалось от волнения.

– Байяз?

Арди пожала плечами и сделал большой глоток. В ее движениях уже была заметна неловкость, выдававшая опьянение.

«Байяз. Перед выборами нам не хватало только одного – чтобы этот старый мошенник сунул в наши дела свою лысую башку».

– И он сейчас в городе?

– Откуда мне знать? – ворчливо ответила Арди. – Никто мне не докладывал.

Ферро расхаживала по комнате и сердито разглядывала ее. Наполненный сладкими ароматами воздух, подрагивающие занавески на огромных окнах, балкон за ними – все вызывало у нее раздраженную насмешку. Она с иронией рассматривала темные картины, изображавшие толстых бледных королей, отполированную мебель в просторном холле. Она ненавидела это место с его мягкими кроватями и вялыми, полуживыми людишками. Ферро предпочла бы всему этому пыль и зной бесплодной земли в Канте. Жизнь там была жесткой, напряженной и короткой. Но она была честной.

И Союз, и город Адуа в частности, и крепость Агрионт в особенности доверху набиты ложью и лицемерием. Ферро чувствовала это кожей, как вьевшееся масляное пятно. И Байяз оказался в самом центре лжи. Обманом он уговорил ее следовать за ним за тридевять земель – без всякой пользы, ведь они не нашли никакого древнего оружия, способного одолеть гурков. Теперь он улыбался, даже хохотал и тайно перешептывался с какими-то стариками. Старики приходили, взмокшие от пота на уличной жаре, и их бросало в пот еще сильнее.

Ферро никому и никогда не сказала бы об этом, но с презрением признавалась самой себе: она скучала по Деятипалому. Она не могла выразить этого, но ей было легче, когда у нее имелся кто-то, кому можно доверять хотя бы наполовину. Теперь оставалось только вспоминать и кусать локти.

Единственным ее компаньоном был ученик мага, но лучше бы не было никого. Ученик сидел и молча смотрел на Ферро, забытая книга лежала рядом с ним на столе. Пялился и улыбался, но вовсе не от радости, а словно ему известно что-то, о чем она может только догадываться. Как будто считал, что она полная дура и ничего не замечает. Это злило Ферро еще сильнее. Так что она бродила по комнате, раздраженно оглядывая все вокруг, сжав кулаки и стиснув зубы.

– Тебе бы следовало вернуться на юг, Ферро.

Она остановилась и зло посмотрела на Ки. Он был прав, конечно. Ферро была бы счастлива покинуть этих безбожников розовых, забыть о них навсегда и сражаться с гурками тем оружием, к какому она привыкла. Рвать их зубами, если придется.

Он был прав, но уже ничего не изменить. И Ферро не нуждается в советах.

– Много ты понимаешь в том, что мне надо делать, тощий розовый дурак.

– Больше, чем ты думаешь. – Он смотрел ей прямо в лицо своими темными глазами. – Мы с тобой похожи. Ты можешь не обращать на это внимание, но так и есть. У нас очень много общего.

Ферро насупилась. Она не знала, что хилый идиот имеет в виду, но ей не понравилось, как он говорил об этом.

– Байяз не даст тебе ничего, в чем ты нуждаешься. Ему нельзя доверять. Я понял это слишком поздно, но у тебя еще есть время. Ты можешь найти себе другого наставника.

– У меня нет никаких наставников, – бросила Ферро. – Я свободна.

Угол бледных губ Ки скривился.

– Никто из нас никогда не будет свободен. Уходи. Здесь тебе нечего делать.

– Тогда почему ты остаешься?

– Чтобы мстить.

Ферро нахмурилась еще сильнее.

– Мстить за что?

Ученик наклонился вперед, его горящие глаза встретились с ее глазами. Дверь со скрипом открылась, и он немедленно замолчал, уселся на место, глядя в окно. Так, словно ничего и не говорил.

Чертов ученик с его чертовыми шарадами. Ферро сердито обернулась на дверь.

Байяз медленно прошел в комнату. Он нес чашку чая, стараясь не расплескать. Даже не взглянув в сторону Ферро, он прошагал мимо нее и вышел через раскрытую дверь на балкон. Чертов маг. Ферро пошла за ним, щурясь от яркого света. Они находились довольно высоко, и Агрионт расстилался под ними, как в тот давний день, когда она и Девятипалый карабкались по крышам. Компании ленивых и праздных розовых нежились на блестящей траве внизу, как и перед отъездом Ферро в Старую империю. Но кое-что изменилось.

Теперь повсюду в городе чувствовался страх. Ферро видела его в каждом безвольном бледном лице, слышала в каждом слове, различала в каждом жесте. Оцепеневшее ожидание, затишье перед бурей. Точно поле сухой порыжелой травы, готовое вот-вот вспыхнуть от малейшей искры. Ферро не знала, чего все ждали, да это ее и не заботило.

Однако она слышала немало разговоров о предстоящих выборах.

Первый из магов внимательно смотрел на нее, когда она входила в балконную дверь. Одна сторона его лысой головы поблескивала на ярком солнце.

– Чаю, Ферро?

Ферро ненавидела чай, и Байязу это было известно. Чай употребляли гурки, когда замыслили предательство. Она помнила, как солдаты пили его, когда она сражалась в пыли. Она помнила, как его пили работорговцы, обсуждая цены на свой товар. Она помнила Уфмана, потягивающего чай, посмеиваясь над ее яростью и беспомощностью. Теперь чай пил Байяз. Он изящно держал небольшую чашку между толстыми пальцами, большим и указательным, и улыбался.

Ферро стиснула зубы.

– Ты меня надул, розовый. Обещал мне отмщение, а не дал ничего. Я возвращаюсь назад, на юг.

– В самом деле? Для нас будет очень грустно потерять тебя. Но Союз и Гуркхул воюют. Сейчас нет кораблей, чтобы уплыть в Канту. Возможно, так будет продолжаться еще некоторое время.

– Как же мне добраться туда?

– Ты совершенно ясно выразилась, что ты не имеешь ко мне никакого отношения. Я дал тебе крышу над головой, но ты весьма скупа на благодарность. Если хочешь уехать, позаботься об этом сама. Мой брат Юлвей должен скоро вернуться к нам. Возможно, он проявит желание взять тебя под крыло.

– Не годится.

Байяз пристально посмотрел на нее. Этот взгляд явно не предвещал ничего хорошего, но Ферро – это не Длинноногий, и не Луфар, и не Ки. У нее не было никаких наставников и никогда не будет.

– Не годится, я сказала!

– Зачем ты все время испытываешь мое терпение? Оно не бесконечно, ты знаешь.

– И мое тоже.

Байяз усмехнулся.

– Твое, о да, кончается быстро. В сущности, оно даже и не начинается, что мастер Девятипалый, без сомнения, испытал на себе и может засвидетельствовать. Я решительно утверждаю, Ферро, что обаяния у тебя столько же, сколько у злобной упрямой козы.

Он поднес чашку к губам и аккуратно отпил из нее. Неимоверным усилием воли Ферро сдержалась, чтобы не выбить эту чашку у него из рук и не боднуть вдобавок хорошенько лысого козла.

– Но если война с гурками еще интересуется тебя...

– Всегда интересуется.

– То я смогу найти применение твоим талантам. Дело, для которого не требуется чувство юмора. Мои намерения относительно гурков не изменились. Борьба должна продолжаться, хоть и другими средствами.

Его взгляд скользнул в сторону и уперся в большую башню, вздымавшуюся над крепостью.

Ферро мало смыслила в прекрасном и мало заботилась о том, чтобы иметь хоть какие-то знания в этой сфере, но башня была великолепна даже по ее понятиям. Это строение из камня имело четкие пропорции и не снисходило до безвкусицы украшения. В его очертаниях сквозила грубоватая честность, а прямые углы излучали безжалостную ясность. Это неодолимо влекло Ферро.

– Что это за место? – спросила она.

Байяз, сощурившись, взглянул на нее.

– Дом Делателя.

– А что там внутри?

– Не твоего ума дело.

Ферро взвилась от досады.

– Ты жил там. Ты служил Канедиасу. Ты помогал Делателю в его трудах. Ты нам рассказывал об этом на равнине! Так что, скажи мне, там внутри?

– У тебя хорошая память, Ферро. Но ты забыла об одной вещи. Мы не нашли Семени. И я не имею в тебе никакой надобности. И уж тем более, у меня нет никакой необходимости отвечать дальше на твои бесконечные вопросы. Попробуй представить, как мне это противно.

Он отпил еще чаю, приподняв брови, и уставился на лениво разлегшихся розовых в парке.

Ферро принужденно улыбнулась. Или сделала гримасу, отдаленно похожую на улыбку. По крайней мере, показала зубы. Она очень хорошо помнила, что сказала злая старуха Конейль и насколько ее слова растревожили мага. Она поступит точно так же.

– Ага, Делатель. Ты попытался похитить его секреты. Ты попытался похитить его дочь Толомею. Ее отец сбросил ее с крыши за то, что она предала его и открыла тебе ворота. Или не так?

Байяз сердито выплеснул остатки чая с балкона. Ферро наблюдала, как капли жидкости блеснули на ярком солнце, устремляясь вниз.

– Да, Ферро, Делатель сбросил свою дочь с крыши. Похоже, мы оба несчастливы в любви. Нам не везет. Но еще больше не везет тем, кого мы любим. Кто бы мог подумать, что у нас так много общего?

Ферро захотелось столкнуть этого розового говнюка с балкона вслед за его чаем. Но у мага имелся должок перед ней, и она намеревалась получить с него сполна. Так что она

лишь бросила на него сердитый взгляд и ушла с балкона, скрывшись в комнате.

Там появился новый гость: мужчина с кудрявыми волосами и широкой улыбкой. В руке он держал длинный посох, на плече висел саквояж, обитый потертой, выдавшей виды кожей. Глаза у него были странные – один светлый, а другой темный. К тому же его пристальный взгляд заставил Ферро насторожиться. Насторожиться сильнее, чем обычно.

– Ага, вот и знаменитая Ферро Малджин. Простите мое любопытство, но не каждый день сталкиваешься с персоной, имеющей столь примечательную родословную.

Ферро не понравилось, что этот человек знает ее имя, ее происхождение, да и вообще хоть что-то о ней.

– Кто вы такой?

– О да, где мои манеры? Я Йору Сульфур, из ордена магов. – Он протянул ей руку.

Ферро не прикоснулась к ней, но гость только улыбнулся.

– Я, конечно, не один из двенадцати первых, а всего лишь запоздалый довесок. Но когда-то я был учеником великого Байяза.

Ферро усмехнулась. Такая характеристика едва ли вызывала к нему доверие с ее стороны.

– Что случилось?

– Я закончил курс.

Байяз живо поставил чашку на стол около окна.

– Йору, – произнес он, и новичок покорно склонил голову. – Благодарю тебя за работу, которую ты сделал. Все точно и по существу, как всегда.

Улыбка Сульфура стала шире.

– Маленький винтик в большой машине, мастер Байяз, но я стараюсь быть надежным.

– Тем не менее, и ты порой разочаровывал меня. Я не забыл об этом. Как продвигается твое следующее дельце?

– Готов начать по вашей команде.

– Тогда начнем сейчас. Отсрочка не даст нам ничего хорошего.

– Но мне надо подготовиться. И я принес то, что вы просили.

Он снял саквояж с плеча, поставил на пол и осторожно сунул руку внутрь. Потом он медленно вытащил из саквояжа книгу – большой черный том. На толстой обложке виднелись заломы и вмятины, по краям книга обуглилась.

– Книга Гластрода, – проговорил Йору так тихо, словно боялся своих слов.

Байяз нахмурился.

– Пока оставь ее у себя. У нас неожиданное осложнение.

– Осложнение?

Сульфур опустил книгу в саквояж с явным облегчением.

– Того, что мы искали... там не оказалось.

– Значит...

– Что касается наших планов, ничего не изменилось.

– Конечно. – Сульфур снова склонил голову. – Лорд Ишер уже в пути.

– Отлично.

Байяз бросил взгляд на Ферро, как будто только сейчас вспомнил, что она присутствует в комнате.

– Может быть, ты соизволишь на время убраться отсюда? Ко мне приедет гость, требующий моего внимания.

Ферро была счастлива уйти, но тянула время – хотя бы потому, что Байяз желал ее скорейшего ухода. Она раскинула руки, потопталась на месте, потянулась. Потом направилась к дверям, описывая круги по комнате, шаркая ногами по паркету и наполняя комнату ужасающим скрипом половиц. Она то и дело останавливалась, чтобы поглазеть на картину, пихнуть стул или щелкнуть пальцем по освещенному солнцем цветочному горшку, на самом деле совершенно ее не интересовавшему. Ки внимательно следил за ней, Байяз хмурился, а Сульфур кривил губы в понимающей усмешке. Ферро остановилась на пороге.

– Прямо сейчас?

– Да, сейчас, – резко произнес Байяз.

Она еще раз оглядела комнату.

– Фиговы волшебники, – фыркнула Ферро и скрылась за дверью.

Она едва не столкнулась с высоким стариком из розовых в соседней комнате. Он был одет в тяжелую мантию, несмотря на жару, а на плечах у него поблескивала цепь. Позади него, ссутулившись, шел еще один человек, хмурый и настороженный. Охранник. Ферро не понравился взгляд старика. Он смотрел на нее свысока, выставив вперед подбородок, как на какую-то дворняжку.

Или на рабыню.

– Ш-ш-ш! – прошипела она ему в лицо, проскользнув мимо.

Старик недовольно фыркнул, а охранник взглянул на Ферро весьма сурово. Она не обратила на это никакого внимания. Суровые взгляды ничего не значат. Если хочет получить ногой в лицо, пусть попробует прикоснуться к ней. Но он не стал пробовать. Оба, старик и охранник, прошли в комнату Байяза.

– А, лорд Ишер! – Ферро услышала восклицание Байяза до того, как дверь захлопнулась.

– Я очень рад, что вы смогли так скоро навестить нас.

– Я сразу явился. Мой дед всегда говорил, что...

– Ваш дед был мудрым человеком и надежным другом. Я бы хотел обсудить с вами, если возможно, положение в открытом совете. Не желаете чаю?

Джезаль лежал на спине, положив руки под голову, прикрыв бедра простыней. Он смотрел на Арди, а та смотрела в окно, облокотившись на подоконник и положив подбородок на руки. Он смотрел на Арди и благодарил судьбу за то, что когда-то давно забытый создатель военной одежды снабдил офицеров королевской гвардии короткими куртками до талии. Спасибо этому человеку, потому что только военная куртка Джезала и была сейчас надета на Арди.

Даже удивительно, как все переменялось между ними со дня той невеселой встречи, поставившей в тупик их обоих. В течение недели они не провели врозь ни одной ночи, и всю неделю улыбка не сходила с лица Джезала. Временами воспоминания снова охватывали его, внезапные и устрашающе неотвратимые, как уродливое раздутое тело вдруг всплывает на поверхность пруда, когда кто-то наслаждался отдыхом на берегу. Он вспоминал, как Арди кусала и била его, как она плакала и кричала на него. Но когда это происходило, он старался улыбнуться и увидеть, как она улыбается ему, чтобы поскорее отбросить неприятные мысли, забыть о них хотя бы на время. Он даже гордился тем, что у него хватило великодушия поступить так, отбросив страхи и сомнения.

– Арди, – заискивающе позвал он.

– Угу.

– Иди обратно в постель.

– Зачем?

– Затем, что я люблю тебя.

Странно, но чем больше он говорил об этом, тем становилось легче.

Арди тихо вздохнула.

– Продолжаешь твердить свое?

– Это правда.

Не отрывая рук от подоконника, она повернулась. Ее тело выступало темным силуэтом на фоне ярко освещенного окна.

– А что это значит? Что ты трахал меня целую неделю и тебе все еще мало?

– Не думаю, что мне когда-нибудь будет много.

– Что ж. – Она оттолкнулась от окна и прошлепала по полу. – Не помешает в этом убедиться. Во всяком случае, не очень помешает. – Арди остановилась около кровати. – Только пообещай мне кое-что.

Джезаль занервничал, гадая, о чем она попросит и что он ей ответит.

– Все, что угодно, – пробормотал он, заставив себя улыбнуться.

– Не разочаровывай меня.

Теперь его улыбка из принужденной стала радостной. На такую просьбу нетрудно согласиться. В конце концов, теперь он изменился.

– Конечно, я обещаю.

– Хорошо.

Она взобралась на постель, опираясь на локти и колени; ее глаза неотрывно смотрели в его лицо, пока он от нетерпения шевелил пальцами ног под простыней. Потом встала на колени, расставив ноги по обе стороны его тела, и запахнула куртку на груди.

– Ну, капитан, готова я для парада?

– Я бы сказал... – Взяв куртку за края, он притянул Арди к себе, затем его руки скользнули под ее одежду. – Без сомнения, – он обхватил рукой ее грудь и потер большим пальцем сосок, – ты самый красивый солдат в моей роте.

Через простыню она прижалась пахом к его члену и начала двигать бедрами.

– А, капитан уже готов...

– Для вас? Всегда.

Она прикинула к его губам всем ртом, облизывала его, размазывая слюну по всему лицу. Он же просунул руку между ее ног, и Арди терлась о нее некоторое время, а его влажные пальцы хлюпали то снаружи, то внутри ее. Она стонала и глубоко вздыхала, Джезаль вторил ей. Потом она протянула руку и сдернула простыню. Его пенис встал, она повиляла бедрами и, найдя верную точку, опустилась на него. Волосы Арди упали плотной завесой, закрыв ей лицо. Джезаль слышал ее тяжелое, прерывистое дыхание.

Кто-то дважды резко постучал в дверь. Они оба застыли. Еще два стука. Арди вскинула голову, отбросила волосы с покрасневшегося лица.

– Кто там? – крикнула она. Голос у нее был низкий и слегка хрипловатый.

– Кто-то пришел к капитану! – Горничная.

– Он еще... он еще здесь? – Арди перевела взгляд на Джезаль. – Я могу передать ему послание, если нужно.

Чтобы не засмеяться, он прикусил губу и, протянув руку, ущипнул ее за сосок. Арди шутливо хлопнула его по руке.

– А кто пришел?

– Рыцарь-герольд.

Улыбка Джезаль погасла. Эти рыцари и прежде не приносили хороших новостей, а уж тем более теперь, когда дела обстоят хуже некуда.

– Лорд-маршал Варуз желает срочно говорить с капитаном. Его ищут по всему городу.

Джезаль негромко выругался. Похоже, в армии все-таки выяснили, что он вернулся.

– Скажи ему, что, как только я встречу с капитаном, я немедленно все ему передам! – крикнула Арди.

Вскоре звук шагов горничной затих в коридоре.

– Черт! – прошипел Джезаль, удостоверившись, что горничная удалилась. Конечно, она была в курсе всего, что происходило в доме последние несколько дней и ночей. – Я должен идти.

– Сейчас?

– Сейчас, будь оно неладно. Если я не появлюсь, они продолжат поиски. И чем скорее я уеду, тем скорее вернусь назад.

Она вздохнула и перевернулась на спину, а он вылез из кровати и стал собирать беспорядочно разбросанную одежду. На рубашке впереди обнаружилось винное пятно, брюки были сильно помяты, но пришлось надеть все, как есть. Идеальный внешний вид больше не заботил его так, как прежде. Он присел на кровать, чтобы надеть сапоги, и почувствовал, что Арди встала на колени позади него. Ее руки скользнули по его груди, ее губы коснулись его уха. Она прошептала:

– Значит, ты снова оставишь меня одну? Отправишься в Инглию крошить северян заодно с моим братцем?

Джезаль не без труда наклонился вперед и натянул сапог.

– Возможно. А может быть, и нет.

Мысль о кочевой солдатской жизни больше не вдохновляла его. Он повидал вблизи достаточно насилия, чтобы понять, насколько оно устрашающе и как серьезно можно пострадать. Слава и признание казались весьма призрачным вознаграждением за то, чем приходилось рисковать.

– Я всерьез размышляю над тем, чтобы вообще уйти с военной службы.

– Правда? А что делать?

– Пока не знаю.

Он повернул голову и взглянул на нее, слегка приподняв бровь.

– Возможно, я подыщу себе хорошую женщину и заживу спокойной семейной жизнью.

– Хорошую женщину? И ты уже знаешь кое-кого?

– Я надеялся, что, возможно, ты мне что-то подскажешь в этом плане.

Она поджала губки.

– Мне надо подумать. Она должна быть красива?

– Нет, вовсе нет, красивые женщины, как правило, убийственно требовательны. Вполне заурядной внешности, пожалуйста, простая, как медная монета.

– Умная?

Джезаль усмехнулся.

– Только не это. Я и так известен своей пустоголовостью. А рядом с умной женщиной буду выглядеть, как полный тупица.

Он натянул второй сапог, снял ее руки со своих плеч и встал.

– Наивный теленок с широко распахнутыми глазами и без единой мысли в голове был бы идеальным вариантом. Кто-то, кто бы постоянно соглашался со мной во всем.

Арди хлопнула в ладоши.

– О да, я даже могу представить, как она болтается в твоих руках, точно пустое, смятое платье, что-то вроде пищащего эха. Ну, хотя бы благородного происхождения, я полагаю?

– Конечно, это было бы лучше всего. Это тот самый пункт, по которому я никогда не соглашусь на компромисс. И светлые волосы, я имею к ним слабость.

– О, я полностью согласна. Темные волосы это так избито и так похоже на цвет грязи, каких-то отбросов и навоза. – Она вздрогнула. – Я чувствую, что испачкалась, только подумав об этом.

– Более того, – он прикрепил меч к ремню, – тихая и даже терпеливая. У меня есть свои странности.

– Естественно. Жизнь и так достаточно трудна, чтобы еще женщина создавала проблемы. И вела бы себя ужасно недостойно. – Она приподняла брови. – Я подумаю о своих знакомых.

– Отлично. Однако, несмотря на то, что вы носите мою куртку с куда большим шиком, чем я даже могу себе представить, она мне все-таки нужна.

– О да, сэр.

Она сдернула куртку с плеч и бросила ее Джезалю. Потом вытянулась на постели, совершенно обнаженная. Чуть выгнув спину и сложив руки над головой, она неторопливо покачивала бедрами, вперед и назад, согнув одну ногу в колене, а вторую вытянув так, что конец большого пальца указывал на Джезаль.

– Ты же не собираешься оставить меня в полном одиночестве надолго?

Он мгновение молча смотрел на нее и хрипло проговорил:

– Остановись сейчас же, черт побери.

Натянув мундир и зажав член между бедрами, он направился к двери, покачиваясь и слегка согнувшись. Он очень надеялся, что эрекция пройдет до встречи с лорд-маршалом, но не был полностью уверен в этом.

Джезаль снова оказался в одной из комнат верховного судьи Маровии – мрачной, похожей на пещеру. Совершенно один, он стоял на голом полу, глядя на огромный полированный стол, а трое пожилых мужчин с противоположной стороны стола мрачно смотрели на него.

Как только секретарь закрыл высокие двери и их стук гулко разнесся эхом, Джезаль вдруг с глубоким волнением понял, что все это уже происходило с ним прежде. В тот день, когда его вызвали с корабля, отправлявшегося в Инглию, оторвали от друзей, разрушили планы и послали в безрассудное, обреченное на неудачу путешествие, в самое сердце неизвестности. В путешествие, изменившее его внешность и едва не стоившее ему жизни. Он даже не думал вернуться сюда, а лишь страстно надеялся на более или менее благоприятный исход.

С этой точки зрения нынешнее отсутствие первого из магов ободряло, хотя все остальное не радовало. Джезаль видел суровые старческие лица – лорд-маршал Варуз, верховный судья Маровия, лорд-камергер Хофф.

Варуз восхвалял отменные успехи Джезала во время похода в Старую империю. Очевидно, у него имелась иная версия событий, чем та, которую помнил сам Джезаль.

– ...великие приключения на западе, насколько я понимаю, подняли авторитет Союза среди наших соседей. Особое впечатление на меня произвел рассказ о том, как вы переправились через мост в Дармиуме. Это произошло именно так, как мне рассказывали?

– Мост, сэр, да, но, по правде говоря, э-э...

Джезаль спросил бы старого осла, что за чушь он несет, если бы не был поглощен мыслями об Арди. Он еще видел, как она, обнаженная, лежит на постели. Черт подрал бы и Маровию, и эту страну. Будь проклята служба. Можно подать в отставку и в течение часа вернуться в ее постель.

– Дело в том...

– Это ваш любимый эпизод? – спросил Хофф, опуская бокал. – А мне больше нравится история с императорской дочерью. Она тронула меня.

Он подмигнул Джезалю, придав своим словам флигельный оттенок.

– Честно говоря, ваша милость, я не имею ни малейшего понятия, откуда взялись эти слухи. Ничего подобного не было, уверяю вас. Слишком много преувеличений и слухов...

– Ну, один лестный слух стоит десяти разочаровывающих истин. Вы не согласны?

Джезаль моргнул.

– Ну... Я полагаю...

– В любом случае, – вмешался Варуз, – Закрытый совет получил отличные отзывы о том, как вы вели себя в походе.

– Правда?

– Да, много разнообразных сообщений, и все очень живописны.

Джезаль не мог не усмехнуться, хотя ему оставалось только гадать, кто присылал подобные сообщения. Трудно представить, что Ферро Малджин вдруг прониклась его добродетелями.

– Что ж, ваша светлость, вы очень добры, но я обязан...

– Учитывая вашу целеустремленность и отвагу, проявленные в этом сложном и жизненно важном деле, я рад сообщить, что вы получаете чин полковника. Приказ уже вступил в силу.

Глаза Джезаль широко раскрылись.

– Я получил повышение?

– Да, вы получили повышение, мой мальчик, и вы заслужили эту честь, как никто другой.

Подняться на два звания вверх за один вечер – исключительное событие, особенно если учесть, что Джезаль не принимал участия в сражении, не совершал подвигов и не принес никаких существенных жертв. Не считая того, что совсем недавно он с большой неохотой покинул постель сестры лучшего друга. Это большая жертва, без сомнения, но вряд ли она достойна внимания короля.

– Я... гм... я...

Однако он не мог скрыть удовольствия. Новая форма, еще больше галунов и украшений, еще больше людей, которыми он сможет командовать. Слава и признание – возможно, это не слишком щедрое вознаграждение, но он уже выстоял перед лицом опасности, и теперь остается только сказать «да». Разве он не страдал? Разве он не заслужил поощрения?

Он не мог долго размышлять об этом. Он вообще едва ли мог размышлять об этом. Мысль об уходе из армии и тихой семейной жизни улетучилась, словно ее и не было.

– Для меня большая честь принять этот... особенный... знак внимания.

– Мы все тоже очень рады, – грубовато произнес Хофф. – А теперь к делу. Вам известно, полковник Луфар, что недавно у нас возникли проблемы с крестьянами?

Удивительным образом никакие новости не проникали в спальню Арди.

– Уверен, что ничего серьезного, ваша милость.

– Ну да, если восстание не считать серьезной проблемой.

– Восстание? – Джезаль сглотнул.

– Этот человек, Дубильщик, – прошипел лорд-камергер, – месяцами колесит из деревни в деревню, подхлестывая недовольство, сея семена неповиновения. Он подстрекает крестьян на бунт против господ и против короля.

– Никто не ожидал, что это достигнет масштабов открытого мятежа, – сердито пробурчал Варуз, старательно двигая губами. – Но после выступления в Келне группа крестьян, подхлестываемая Дубильщиком, вооружилась и отказалась разойтись. Они одержали верх над местным землевладельцем, и теперь восстание разрастается. Насколько мы знаем, вчера они разбили значительные силы под командованием лорда Финстера, подожгли его дом и повесили трех сборщиков налогов. Сейчас бунтовщики разоряют окрестности Адуи.

– Разоряют? – пробормотал Джезаль, взглянув на дверь.

Это звучало ужасно.

– Все весьма прискорбно, – протянул Маровия. – Половина из них – честные люди, преданные своему королю. Их подтолкнула к бунту жадность хозяев.

Варуз неодобрительно усмехнулся.

– Это обстоятельство не оправдывает предательства! Вторая половина – воры, мошенники и революционеры. Их следует вздернуть.

– Закрытый совет принял решение, – вступил в разговор Хофф. – Дубильщик объявил о намерении представить королю список требований. Королю! Новые свободы. Новые права.

Все люди равны, и тому подобная опасная ерунда. Скоро станет известно, что они направляются сюда, и начнется паника. Массовые беспорядки в поддержку крестьян, такие же массовые выступления против них. Мы балансируем на лезвии ножа. Мы ведем две войны, а король угасает, не имея наследника! – Хофф стукнул кулаком по столу так, что Джезаль подпрыгнул. – Они не должны дойти до города.

Маршал Варуз сложил руки на груди.

– Два полка личной королевской гвардии, оставшиеся в Срединных землях, будут посланы сюда, чтобы противостоять угрозе. Мы тоже подготовили список. – Он усмехнулся. – Список уступок. Если крестьяне согласятся на переговоры и вернутся домой, их жизни будут сохранены. Если Дубильщик сочтет необходимым продолжить сопротивление, его так называемая «армия» будет разгромлена. Разбита. Рассеяна в пыль.

– Уничтожена, – произнес Хофф, растирая толстым большим пальцем пятно на столе. – А зачинщиков мятежа отправят в королевскую инквизицию.

– Прискорбно, – пробормотал Джезаль почти машинально. При упоминании инквизиции его охватил озноб.

– Это необходимо, – проговорил Маровия, печально качая головой.

– И едва ли поможет достигнуть цели. – Варуз мрачно посмотрел на Джезаль через стол. – В каждой деревне, в каждом городе, на каждом поле и на каждой ферме они находят сочувствующих. Страна наводнена злоумышленниками. Конечно, они плохо организованы и вооружены, но, по последним оценкам, их насчитывается около сорока тысяч.

– Сорок... тысяч?

Джезаль нервно переступил с ноги на ногу. Он-то думал, что речь идет о нескольких сотнях босых оборванцев. Тогда в городе, за стенами Агрионта, можно чувствовать себя в безопасности. Но сорок тысяч разозленных людей – это огромная толпа. Даже если они простые крестьяне.

– Королевская гвардия готова выступить. Один кавалерийский полк, один пехотный. Им не хватает только командира.

– Ха, – невесело усмехнулся Джезаль.

Такому «везунчику» не позавидуешь: выступить против банды дикарей, впятеро превосходящих твой отряд числом, ободренных сознанием собственной правоты и первыми незначительными успехами, опьяненных ненавистью к знати и монархии, жаждущих крови и добычи...

Глаза Джезали широко раскрылись.

– Я?

– Вы.

Он не мог найти подходящих слов.

– Я не хочу показаться... неблагодарным... То есть я хочу сказать, что для такого дела требуются более подходящие люди. Лорд-маршал, вы сами...

– Сейчас трудное время. – Хофф сурово взглянул на Джезаль из-под кустистых бровей. – Очень трудное время. Нам нужен человек без... не связанный узами, так сказать. И с чистым послужным списком. Вы идеально подходите.

– Но переговоры с крестьянами!.. Ваша милость, ваша честь, лорд-маршал, я не имею ни малейшего понятия о предмете разногласий! Я ничего не понимаю в законах и праве!

– Мы вполне осознаем ваши возможности, – произнес Хофф. – Именно поэтому при вас

будет находиться представитель Закрытого совета, обладающий непререкаемым авторитетом в этих областях.

Чья-то тяжелая рука неожиданно опустилась на плечо Джезаля.

– Я говорил тебе, что это случится скорее рано, чем поздно, мой мальчик!

Джезаль медленно повернул голову. Непреодолимое отвращение закипело в его груди. Первый из магов собственной персоной стоял рядом с ним, на расстоянии не более шага, и усмехался. Неудивительно, что лысый старый прохвост был втянут в это дело. Странные и мрачные события неотвратимо следовали за ним, как бездомные собаки, с лаем преследующие повозку мясника.

– Крестьянская армия, если можно так ее назвать, стоит лагерем в четырех днях пути от города. Это время очень неторопливого пути. Она растянулась по окрестностям в поисках пропитания и фуража.

Варуз наклонился вперед, ткнув пальцем в стол.

– Вы выступите немедленно, чтобы задержать их. Вся наша надежда только на это, полковник Луфар. Вы поняли приказ?

– Да, сэр, – ответил Джезаль почти шепотом, безуспешно стараясь придать своему голосу оттенок горячей заинтересованности.

– Мы снова вместе, мой мальчик. – Байяз едва слышно засмеялся. – Им лучше убраться поскорее, согласен?

– Конечно, – пробормотал Джезаль с явной печалью.

У него был шанс уйти от всего этого, начать новую жизнь, а он отказался от него ради пары звезд на мундире. Слишком поздно он осознал свой ужасный просчет. Байяз еще сильнее сжал его плечо, с почти отеческой нежностью притянул к себе и отпускать явно не собирался. Никакой возможности избежать этого больше не было.

Джезаль поспешно вышел из своей казарменной квартиры, проклиная тяжелый саквояж. Сущее наказание – самому нести собственный багаж, но время поджимало. Накануне он думал, не поспешить ли в порт и не сесть ли на первый корабль, отходящий в Сулджук, но потом сердито отверг эту мысль. Он принял повышение по службе осознанно, с открытыми глазами, и у него нет иного выбора, кроме как принять все, что должно случиться. Лучше сделать дело, чем жить в страхе перед ним. Он запер дверь, повернулся и вдруг отпрянул, испугавшись, как девчонка. В тени напротив двери кто-то стоял. Ужас, охвативший Джезаля, только усилился, когда он понял, кто это.

У стены стоял этот калека Глокта. Он тяжело опирался на трость и отвратительно, беззубо усмехался.

– Одно словечко, полковник Луфар.

– Если вы имеете в виду дело с крестьянами, оно в надежных руках. – Джезаль не мог полностью скрыть своего раздражения. – Не забивайте себе голову...

– Я имею в виду совсем другое дело.

– Какое же?

– Арди Вест.

Коридор вдруг показался слишком пустым и тихим. Солдаты, офицеры, слуги – все отбыли в Инглию. В казарменных помещениях, насколько знал Джезаль, сейчас не было никого, кроме него и Глокты.

– Я не понимаю, какое отношение...

– Ее брат, наш общий друг Коллем Вест, вы его помните? Мрачноватый лысеющий человек. Сгусток эмоций.

Джезаль почувствовал, как краска стыда заливает его лицо. Он прекрасно помнил брата Арди, в особенности его нрав.

– Он посетил меня перед отъездом на войну в Инглию. Попросил меня позаботиться о благополучии его сестры, пока он будет вдали рисковать своей жизнью. Я обещал ему исполнить его просьбу.

Шаркнув ногой по полу, Глокта приблизился, и Джезаль содрогнулся.

– К этой обязанности, уверяю вас, я отношусь столь же серьезно, как к любому заданию архилектора.

– Я понимаю, – хрипло ответил Джезаль.

Так вот чем объяснялось присутствие калеки в доме Арди несколько дней назад, озадачивавшее Джезаль до этой минуты. Но от этой ясности стало не намного легче. Разве что чуть-чуть.

– Я не думаю, что Коллем Вест будет рад узнать о том, что происходило в последние несколько дней. Как вы считаете?

Джезаль виновато опустил голову и переводил взгляд с одного сапога на другой.

– Я не отрицаю, что посещал ее...

– Ваши посещения, – прошипел калека, – весьма вредны для репутации девушки. У нас всего три варианта. Первый лично мне нравится больше всего: вы убираетесь подальше и делаете вид, что никогда не встречались с ней. И никогда больше с ней не увидите.

– Это невозможно, – само собой вырвалось у Джезаль, и это прозвучало, к его собственному удивлению, дерзко.

– Тогда второй вариант. Вы женитесь на леди, и все забыто.

Конечно, Джезаль размышлял над таким решением, но будь он проклят, если этот жалкий обрубок человека вынудит его поступить так.

– А третий? – спросил он, как ему казалось, с вызовом.

– Третий? – Отвратительная судорога пробежала по одной стороне уродливого лица Глокты. – Не думаю, что вы захотите узнать все подробности о третьем варианте. Скажу только, что он предполагает длинную страстную ночь с очагом и набором лезвий, а потом еще более длинное утро, где будет мешок, наковальня и дно канала. Полагаю, первые два варианта в этом свете покажутся вам более привлекательными.

Почти не думая о том, что делает, Джезаль шагнул вперед, заставив Глокту отступить и с гримасой боли прижаться к стене.

– Я не обязан перед вами отчитываться! Мои посещения касаются только меня и той самой леди, о которой мы говорим. Но чтобы вы знали, я давно решил жениться на ней. Мы просто ждали подходящего момента.

Джезаль стоял в темноте и едва верил, что произнес это. Черт побери, из-за своего языка он наживет себе кучу неприятностей.

И без того полузакрытый левый глаз Глокты прищурился.

– Ах, как ей повезло.

Не задумываясь, Джезаль снова шагнул вперед, почти вплотную приблизившись к лицу калеки и прижав его к стене так, что тот не мог шевельнуться.

– Да, верно! Так что можешь засунуть эти паршивые угрозы в свой скрюченный зад.

Даже припертый к стене, Глокта мог позволить себе удивиться не больше мгновения.

Он сложил свой беззубый рот в злобную ухмылку, веко над изувеченным глазом задрожало, слеза прокатилась по впалой щеке, оставив длинный блестящий след.

– Знаете, полковник Луфар, мне трудно сосредоточиться при столь тесном контакте с вами. – Он стукнул ладонью по мундиру Джебзала. – Особенно когда вы испытываете такой интерес к моему задку.

Джебзаль отстранился. Во рту у него стало кисло от тошноты.

– Похоже, Байяз добился успеха в том, в чем Варуз потерпел фиаско. Он показал вам, где у вас позвоночник. Мои поздравления по поводу грядущей свадьбы. Но я полагаю, что лезвия мне следует держать под рукой – на случай, если вы не доведете начатое до конца. Я так рад, что нам выпал случай поговорить.

И Глокта захромал к лестнице. Его трость постукивала о деревянный настил, левый ботинок скрипел, нога подволакивалась при каждом шаге.

– Я тоже! – крикнул Джебзаль ему вслед.

Что было далеко от истины.

Уфрис выглядел очень непривычно. Правда, в последний раз Логен был здесь много лет назад, ночью, после осады. Карлы Бетода толпами слонялись по улицам. Они кричали, пили, вопили песни. Выискивали жителей, чтобы ограбить или изнасиловать. Поджигали все, что могло гореть. Логен помнил, как лежал в этой комнате после того, как его отколотил Тридуба, всхлипывал и задыхался от боли, пронизывавшей все тело. Он помнил, как поглядывал в окно и видел зарево пожара над городом, слышал крики и горел желанием выйти из дома, чтобы творить зло, но не знал, сможет ли вообще встать.

Теперь, когда власть в Уфрисе принадлежала Союзу, все изменилось, однако организация оставляла желать лучшего. В серой гавани теснились корабли, слишком большие для тамошних причалов. Солдаты сновали по узким улицам, где попало складывая инвентарь и снаряжение. Повозки, мулы, лошади, груженные до предела, пытались пробить себе дорогу через эти заторы. Раненые ковыляли на костылях к порту, их несли на носилках, и забрызганные кровью повязки приковывали к себе взгляды новобранцев с еще свежими, розовощекими лицами, направлявшихся в другую сторону. Там и тут, растерянные в огромном потоке незнакомых людей, на порогах домов стояли северяне. По большей части женщины, а еще старики и дети.

Логен быстро шел вверх по наклонным улицам, спускавшимся с холмов к порту. Он опустил голову и натянул капюшон, стиснул кулаки и прижимал их к бокам, чтобы никто не заметил обрубков пальца на его руке. Меч, который дал ему Байяз, он нес за спиной, под другой поклажей, завернув в одеяло, чтобы никого не нервировать. Но все равно он был напряжен до предела и постоянно ждал, что кто-нибудь крикнет: «Девятипалый!» – и тут же люди начнут бегать, орать, бросать в него чем попало, а их лица исказит ужас.

Но ничего подобного не происходило. Еще одна нелепая фигура среди общего пыльного хаоса – что на нее смотреть? Даже если кто-то и мог узнать Логена, его никто не думал искать. Наверное, все слышали, что он вернулся в грязь где-то далеко отсюда, и радовались этому. Так что не было повода задерживаться здесь. Логен подошел к офицеру Союза, взирающему на окружающее с начальственным видом, сбросил капюшон и попытался любезно улыбнуться. За свои потуги он удостоился лишь презрительного взгляда.

– У нас нет работы для тебя, если ты ее ищешь.

– У вас нет работы, подходящей для меня.

Логен вытащил письмо, которое вручил ему Байяз.

Офицер развернул его и пробежал глазами. Он нахмурился и перечитал еще раз. С сомнением посмотрел на Логена, поджав губы.

– Ну что ж. Понятно.

Он указал на группу молодых людей, нервно и неуверенно топтавшихся в нескольких шагах от него. Они с жалким видом теснились друг к другу, так как дождь усилился.

– Мы сопровождаем подкрепление на фронт сегодня вечером. Можешь присоединиться к нам.

– Годится.

Они не очень-то были похожи на подкрепление, эти испуганные мальчишки, но это было не важно. Все равно с кем, лишь бы против Бетода.

Деревья шумели по обеим сторонам дороги, темно-зеленые и черные, полные теней и сокровенных тайн. Это была тяжелая, жесткая дорога. Жестко было держаться руками за поручни, еще более жестко сидеть – зады то и дело подсакивали от тряски. Тем не менее, они продвигались вперед. Это, считал Логен, было главное.

Позади следовало еще множество повозок, растянувшихся по дороге вяло колышущейся лентой. На одних сидели люди, на других везли провиант, одежду, вооружение и все необходимое для ведения военных действий. На каждой повозке был зажжен фонарь, и, глянув назад, можно было видеть, как целый шлейф огней качается в сгущавшихся сумерках. Этот шлейф спускался в долину и снова поднимался по дальнему склону, отмечая дорогу, по которой они ехали через лес.

Логен повернулся и посмотрел на юношей Союза, теснившихся в передней части повозки. Их было девять, все они подпрыгивали и раскачивались при каждом толчке повозки, но старались держаться от него как можно дальше.

– Ты видел когда-нибудь такие шрамы, как у него? – прошептал один, не догадываясь о том, что северянин понимает их язык.

– А кто он вообще?

– Понятия не имею. Северянин, наверное.

– Да я сам вижу, что северянин, идиот! Я спрашиваю, что он тут делает вместе с нами.

– Возможно, он разведчик?

– Не слишком ли здоровый парень для разведчика?

Логен усмехнулся про себя, разглядывая деревья, проплывающие мимо. Он чувствовал на лице прикосновение прохладного ветерка, вдыхал запах тумана, земли, холодного влажного воздуха. Он никогда не думал, что его так обрадует возвращение на Север. Это было приятно: после стольких лет бесприютных скитаний снова оказаться на родной земле, где тебе известны все правила игры.

Их разместили на ночлег у дороги, всех десятерых. Одна из многих групп, расположившихся в лесу, у своей повозки. Девять парней уселись по одну сторону большого костра, над огнем булькал котелок с мясом, от него струился аппетитно пахнущий дымок. Логен наблюдал, как они помешивают похлебку и негромко переговариваются о доме, о том, что их ждет впереди и как долго придется проторчать на войне.

Через некоторое время один из них принялся разливать похлебку в деревянные миски и раздавать их по кругу. Он внимательно посмотрел на Логена, положил ему порцию наравне с остальными, потом добавил еще. Парень продвигался осторожно, будто подходил к клетке с волком.

– Вот... – Вытянув руку, он держал миску перед собой. – Мясо? – Широко раскрыл рот и свободной рукой показал внутрь.

– Спасибо, друг, – произнес Логен, принимая миску. – Но я сам знаю, куда надо класть еду.

Все новобранцы уставились на него – ряд встревоженных лиц, освещенных мерцающими желтоватыми отблесками костра, еще более напряженных и подозрительных, потому что он говорил на их языке.

– Ты говоришь по-нашему? И ты это скрывал?

– Скромность никогда не вредит, по моему опыту.

– Если так, – произнес парень, протянувший ему миску, – как твое имя?

Логен на миг задумался, стоит ли говорить правду. Можно солгать – назвать какое-

нибудь никому не известное имя. Но он был тем, кем был, и рано или поздно его обязательно узнают. Кроме того, он не больно-то умел врать.

– Логен Девятипалый, так меня кличут.

Все девять парней выглядели озадаченными. Они ничего не слышали о нем. Да и с чего им слышать? Фермерские сынки из далеких мест, из солнечного Союза. Они и свои собственные имена едва помнили.

– Для чего ты здесь? – спросил один из них.

– Для того же, что и вы. Чтобы убивать.

Услышав его слова, парни явно занервничали.

– Да не вас убивать, не волнуйтесь. Мне надо свести кое-какие старые счета. – Он кивнул куда-то вперед. – С Бетодом.

Парни переглянулись, один из них пожал плечами.

– Ну, поскольку ты на нашей стороне... – Он встал и вытащил бутылку из поклажи. – Хочешь выпить?

– Да, не откажусь. – Логен усмехнулся и протянул свою чашку. – Никогда от этого не отказывался.

Он опорожнил чашку залпом, причмокнул губами, чувствуя, как напиток согревает его внутренности. Парень налил ему еще.

– Спасибо. Но лучше не давай мне слишком много.

– Почему? – спросил тот. – Ты напьешься и нас поубиваешь?

– Поубиваю? Это если вам повезет.

– А если не повезет?

Логен усмехнулся, держа кружку перед собой.

– Я буду петь.

Парень, задавший вопрос, улыбнулся, а кто-то из его товарищей засмеялся. Мгновение спустя его поразила со свистом прилетевшая откуда-то стрела, и он поперхнулся, откашливаясь кровью, стекавшей на рубашку. Бутылка выпала из рук на траву. Вино с бульканьем вытекало из нее в темноте. Еще один юноша схватился за древко стрелы, впившейся ему в бедро. Он сел и застыл, неотрывно глядя на нее.

– Откуда это...

Потом все закричали. Кто на ощупь разыскивал оружие, кто ничком припал к траве, затаившись. Еще две стрелы просвистели над их головами, одна попала в костер, и вокруг нее брызнул фонтан искр.

Логен отбросил котелок с мясом, выхватил меч и бросился вперед. По пути он столкнулся с одним из юношей, ударом сбил его с ног на землю, поскользнулся сам, но удержал равновесие, выпрямился и изо всех сил побежал к деревьям, со стороны которых летели стрелы.

Можно было бежать к ним или от них, но он сделал выбор, не задумываясь. Порой не имеет большого значения, что ты выбираешь, если ты делаешь это быстро и неуклонно следуешь выбору. Вскоре Логен увидел одного из лучников. Он заметил, как мелькнула бледная кожа в темноте, только лучник потянулся за еще одной стрелой. Логен выхватил меч Делателя из потертых ножен и издал боевой клич.

Лучник мог бы выпустить стрелу до того, как Логен его настигнет, и с близкого расстояния, но он оказался слаб и не выдержал ожидания. Немногие люди могут оценить свой выбор, пока смерть не обрушится на них. Лучник бросил свое оружие слишком поздно

и хотел бежать, но Логен ударил его по спине, прежде чем он успел сделать шаг. От удара лучник с криком рухнул в кусты. Он отползал, повернув к Логену лицо, перекошенное от боли и страха, подвывая и инстинктивно нащупывая нож. Логен поднял меч, чтобы довершить дело. Кровь хлынула из горла лучника, он содрогнулся, упал на спину и затих.

– Я еще жив, – едва слышно произнес Логен, присев на корточки рядом с телом и напряженно всматриваясь в темноту.

Возможно, было бы лучше для всех, если бы он побежал в другую сторону. Возможно, было бы неплохо вообще остаться в Адуе. Но уже поздно об этом рассуждать.

– Проклятый Север! – шепотом выругался Логен.

Позволь он этим поганцам безнаказанно унести ноги, они бы всю дорогу досаждали новобранцам, а сам Логен потерял бы сон от беспокойства – если бы, конечно, не получил стрелу в лоб. Лучше первым добраться до врага, чем ждать, пока он до тебя доберется. Этот урок он выучил на собственном горьком опыте.

Он слышал, как остальные лучники, с треском ломая сучья, ломаются сквозь кусты, торопясь убраться подальше. Логен двинулся за ними, крепко сжав рукоять меча. Он инстинктивно двигался между стволами деревьев, сохраняя дистанцию. Огонь костра, шум и крики новобранцев Союза стихали вдалеке по мере того, как он углублялся в лес, пахнувший сосновой хвоей и влажной землей, и лишь шорох торопливых шагов людей, убегавших от него, вел его за собой. Логен слился с лесом, как всегда делал в прошлом. Для него это было легко. Навык вернулся так быстро, словно он всю жизнь каждую ночь крался между деревьями. Голоса эхом разносились в ночи, и Логен вслушивался, затаив дыхание и спрятавшись за стволом сосны.

– А где Грязный Нос?

Последовала пауза.

– Убит, я думаю.

– Убит? Как это?

– У них там кто-то есть, Ворон. Какой-то здоровенный гад.

Ворон. Логен знал это имя. Голос он тоже узнал, теперь хорошо расслышал. Этот воин сражался за Малорослика. Его нельзя было назвать другом Логена, но они знали друг друга – стояли рядом под Карлеоном, дрались бок о бок. И теперь снова встретились. Их разделяло несколько шагов, и они были готовы убить друг друга. Странно, как может обернуться судьба. Сражаться по одну сторону с человеком или против него – почти никакой разницы.

– Северянин? – послышался голос Ворона.

– Может быть. Кто бы ни был, дело он знает. Подскочил очень быстро. Я даже не успел снять стрелу с тетивы.

– Паршивец! Но мы не можем уйти. Разобьем лагерь здесь и будем преследовать их завтра. Возможно, нам удастся заполучить этого громилу.

– Это уж точно! Он у нас попляшет, не сомневайся. Я лично перережу ему глотку, этому подонку.

– Отлично. Но пока держи ухо востро, а мы немного поспим. Возможно, гнев взбодрит тебя, чтоб не заснул.

– Да, вождь. Ты прав.

Логен сел и внимательно наблюдал, ловя взглядом неясные очертания фигур, как четверо воинов расстелили попоны, завернулись в них и улеглись спать. Пятый уселся спиной к ним и стал вглядываться в темноту, как раз в сторону Логена. Логен ждал, пока не

услышал, как один из воинов захрапел. Накрапывал дождь, его капли глухо ударялись и медленно стекали с сосновых ветвей. Постепенно они пропитали влагой волосы Логена, промочили одежду, скатывались по лицу и падали на влажную землю: кап-кап-кап. Логен сидел, молчаливый и неподвижный, как камень.

Терпение может быть устрашающим оружием. И очень немногие умеют им пользоваться. Непросто все время думать об убийстве, когда сам ты уже вне опасности и жар в крови угас. Но Логену терпения было не занимать. Он сидел, а время медленно ползло; он думал о прошлом, пока луна не поднялась высоко и ее бледные лучи не осветили деревья, опускаясь на ветки вместе с капающим дождем. Этого бледного света ему хватило, чтобы не действовать вслепую.

Он выпрямил ноги и двинулся вперед, пробираясь между стволами деревьев, осторожно выверяя каждый шаг в кустарнике. Дождь был его союзником, тихое постукивание капель скрадывало его осторожную поступь, когда он обходил часового.

Логен вытащил нож, и влажное лезвие сверкнуло в неровных бликах лунного света. Выйдя из тени деревьев, он скользнул к лагерю. Прошел между спящими воинами так близко, что мог прикоснуться к любому из них. Почти как брат. Часовой втянул воздух носом и неловко задвигался, плотнее закутавшись во влажную попону, унизанную поблескивающими каплями дождя. Логен остановился и подождал, глядя на бледное лицо одного из спящих воинов: тот лежал на боку, глаза его были закрыты, а рот широко открыт, едва заметный пар от дыхания таял во влажном прохладном воздухе.

Часовой снова застыл на месте, и Логен незаметно проскользнул к нему сзади, затаив дыхание. Он протянул левую руку, его пальцы шевелились в блеклом тумане, ожидая подходящего момента. Вытянул правую руку, крепко сжимая рукоятку ножа. Он почувствовал, как его губы кривятся, оскаливая стиснутые от ярости зубы. Все, время пришло, а когда оно приходит, удар наносишь безошибочно.

Логен обхватил охранника, зажал ему ладонью рот и перерезал горло быстро, без лишнего шума и раздумий, втиснув нож в плоть настолько глубоко, что лезвие закрипело на костях. Противник дернулся и еще миг сопротивлялся, но Логен держал его крепко, как любовник, пока караульный тихо захлебывался кровью. Логен ощутил, что кровь струится по его руке, горячая, липкая. Он ничуть не беспокоился насчет остальных воинов. Если кто-то из них проснется, он увидит лишь очертания одинокой фигуры в темноте, а именно это они и должны видеть.

Вскоре охранник обмяк, и Логен осторожно опустил его рядом с собой. Голова воина безжизненно ударилась о землю. Четыре призрака лежали неподалеку, закутанные во влажные попоны, совершенно беспомощные, уязвимые. Возможно, прежде Логену не пришлось бы по вкусу работенка вроде этой. Когда-то он еще сомневался, правильно ли так поступать, честно ли. Но это время давно уже прошло. Здесь, на Севере, тебя запросто могут убить, пока ты думаешь. Так что эти четверо представляли собой лишь четыре дела, которые надо сделать, — не более того. Логен осторожно подобрался к первому, поднял окровавленный нож высоко над головой и ударил прямо в сердце воина через попону, крепко зажав ему рот. Противник умер тише, чем спал.

Логен подобрался ко второму, готовый сделать то же самое, но задел сапогом что-то металлическое. Флягу для питья, возможно. Что бы это ни было, раздался шум. Веки спящего вздрогнули, он открыл глаза и приподнялся. Логен вогнал нож ему в живот и потянул лезвие, вскрывая внутренности. Воин издал хрип, напоминающий глубокий вздох, его рот и глаза

широко раскрылись. Он схватил Логена за руку.

– Эй! – Третий воин сел прямо и уставился на них.

Логен освободил руку и выхватил меч. Раненый попытался заслониться от удара, инстинктивно выставив ладонь, но тускло блеснувший клинок отсек ему руку у запястья и глубоко вонзился в череп. Черные сгустки крови разлетелись во влажном воздухе, от удара человек рухнул на спину. Однако это дало последнему из воинов время, чтобы выбраться из попоны и схватить секиру. Он стоял, пригнувшись и раскинув руки, готовый к поединку, и весь его вид говорил о том, что он знает, как это делается. Ворон. Логен слышал его свистящее дыхание и даже видел, как от него поднимается пар в холодном влажном воздухе.

– Тебе следовало начать с меня! – прошипел противник.

Логен не мог с этим поспорить. Он собирался покончить со всеми и не обращал внимания на то, в каком порядке это делал. Тем более, поздно было что-то менять. Он пожал плечами.

– Начать или закончить, какая разница?

– Посмотрим.

Ворон взвесил в руке свою секиру и обернулся в туманном воздухе, прикидывая, можно ли размахнуться. Логен замер и затаил дыхание, держа меч сбоку острием вниз, чувствуя его холодную влажную рукоять. Он никогда не суеился раньше времени.

– Лучше назови свое имя, пока живой. Я хочу знать, кого прикончу.

– Ты знаешь меня, Ворон.

Логен поднял свободную руку и, расставив пальцы, показал ее Ворону. Лунный свет блеснул, освещая черные пятна крови на руке и окровавленный обрубок пальца.

– Мы стояли бок о бок при Карлеоне. Не верю, что ты так быстро забыл меня. Хотя... жизнь порой оборачивается неожиданной стороной.

Ворон застыл на месте. Теперь Логен видел только его глаза, поблескивающие в темноте, однако вполне ясно различал неуверенность и страх в позе противника.

– Нет, – прошептал Ворон, качая головой. – Этого не может быть. Десятипалый мертв!

– Уверен? – Логен глубоко вдохнул и медленно выдохнул воздух в прохладную влажную ночь. – Тогда я его призрака.

Они выкопали что-то вроде норы, чтобы разместиться там, эти парни из Союза. Сверху по бокам наставили ящики и наложили мешки, устроив подобие бастиона. Логен видел, что над этим укреплением маячит бледное лицо, неотрывно смотрящее в сторону деревьев. В тусклом свете угасавшего костра что-то поблескивало – не то наконечник стрелы, не то острие копья. Значит, окопались и высматривают, нет ли где еще засады. Если они и прежде были встревожены, то теперь совсем перепугались. Вполне может статься, что кто-то из них так перетрусит, что пригвоздит Логена на месте, прежде чем поймет, кто он такой. Эти чертовы союзные луки стреляют от одного прикосновения, только натяни тетиву. Это было бы особым везением – погибнуть ни за что, черт знает где, да еще от рук своих. Но выбора не было. Пока он не доберется до передовой.

Так что Логен прокашлялся и окликнул их:

– Никому не стрелять!

Скрипнула тетива, и стрела впилась в ствол дерева в паре шагов слева от него. Логен припал к влажной земле.

– Никому не стрелять, я сказал!

– А кто идет?

– Это я, Девятипалый!

Молчание.

– Северянин, который ехал в повозке.

Последовала долгая пауза, потом кто-то прошептал:

– Хорошо. Но выходи медленно и держи руки так, чтобы мы могли их видеть.

– Годится. – Он выпрямился и осторожно вышел из-за деревьев, держа руки над головой. – Только не надо в меня стрелять, ладно? Мы договорились.

Он прошел к костру, держа руки перед собой, содрогаясь при мысли, что в любую минуту может заполучить стрелу в грудь. Он издалека узнал лица новобранцев и среди них офицера, командовавшего колонной пополнения. Двое парней, держа в руках натянутые луки со стрелами, следили за каждым его шагом, когда он медленно переходил через самодельный парапет и спускался в траншею. Траншея была выкопана напротив костра, но не очень хорошо: внизу скопилась большая лужа.

– Где тебя носило, черт возьми? – сердито накинулся на него офицер.

– Я преследовал тех, кто устроил нам засаду.

– Ты их поймал? – спросил один из новичков.

– Точно.

– И?

– Все мертвы. Так что, – Логен кивнул на лужу внутри траншеи, – вам не придется сегодня спать в воде. Осталось что-нибудь поесть?

– А сколько их было? – отрывисто спросил офицер.

Логен заглянул в котелок с едой, стоявший на углях, но там было пусто. Снова ему везет!

– Пять.

– И ты один против пяти?

– Вообще-то сначала их было шестеро, но первого я убил сразу. Он сидел где-то здесь, на деревьях. – Логен вытащил из мешка горбушку хлеба и обтер ею края котелка, стараясь собрать хотя бы остатки мясного жира. – Я дождался, пока они заснут, и мне пришлось сражаться нос к носу только с одним из них. Все сложилось удачно, по-моему.

На самом деле удачей здесь и не пахло. Он взглянул на свою руку в бликах пламени: на ней все еще виднелась кровь. Черная кровь была под ногтями, запекшиеся кровавые полосы пересекали ладонь.

– Мне всегда везет.

Однако офицера, судя по его лицу, слова северянина не убедили.

– А откуда нам знать, что ты сам не один из них? Что ты не шпионишь за нами? Что они не поджидали здесь, пока ты дашь сигнал, что мы потеряли бдительность и можно нападать?

– У вас всю дорогу не было никакой бдительности. На вас можно было нападать когда угодно, – усмехнулся Логен. – Но вопрос вполне справедливый. Полагаю, вы вправе задать его. – Он снял с ремня холщовый мешок. – Поэтому я принес вам это.

Офицер нахмурился, протянул руку, открыл мешок, встряхнул и с подозрением заглянул внутрь. Потом нервно сглотнул.

– Как я и говорил, их было пятеро. Так что в мешке десять больших пальцев. Это вас убеждает?

По лицу офицера было ясно, что он чувствует тошноту, а не удовлетворение, но он кивнул, плотно сжав губы. Затем протянул мешок Логену.

Логен покачал головой.

– Мне не нужно. У меня не хватает среднего пальца, а все большие пальцы на месте.

Повозка, покачнувшись, остановилась. Последнюю милю или две они двигались очень медленно, почти ползли. Теперь дорога – если вообще можно называть так это море грязи – была забита с трудом передвигавшимися людьми. Они хлюпали ногами по вязкой земле, перебираясь от одного относительно твердого участка пути до другого под непрекращающимся мелким дождем, между провалившихся в грязь повозок, несчастных, измученных лошадей, ящиков и бочек, мокрых покосившихся палаток. Логен наблюдал за группой захудалых новобранцев, изо всех сил, но без малейшего успеха старавшихся сдвинуть повозку, осевшую в грязь по самые колесные оси. Все выглядело так, словно армия постепенно погружалась в болотную трясику. Огромное кораблекрушение, только на суше.

Количество спутников Логена сократилось теперь до семи человек. Сгорбившиеся и голодные, они были измучены бессонными ночами и плохой погодой в долгом пути. Один погиб, второго отослали в Уфрис со стрелой в ногу. Не слишком хорошее начало для знакомства с Севером, но Логен очень сомневался, бывает ли здесь лучше. Он слез с повозки, и сапоги сразу погрузились в грязь, изрезанную колеями. Согнул спину, расправил затекшие от сидения ноги, взял с повозки свой мешок.

– Что ж, удачи, – сказал он новобранцам в повозке.

Никто не ответил. После той ночи, когда они угодили в засаду, парни едва ли обменялись с ним парой слов. Похоже, затея с отрубленными пальцами потрясла их. Но если это самое ужасное, что им придется повидать, то очень хорошо для них. Логен пожал плечами и, повернувшись, начал пробираться через грязь.

Впереди он увидел командира колонны, занятого разговором с высоким человеком неприветливого вида в красном мундире. Этот мундир казался страшно душной, неудобной вещью посреди царящего вокруг хаоса. Логен с минуту всматривался в офицера, потом вспомнил. Они сидели рядом на празднике, в совершенно иной обстановке, и разговаривали о войне. Теперь он выглядел старше, крепче, выносливее. Лицо мрачное и суровое, во влажных волосах проглядывает седина. При виде Логена офицер усмехнулся и направился к нему, протягивая руку.

– Клянусь мертвыми, – проговорил он на хорошем северном наречии, – жизнь иногда преподносит сюрпризы. Мы с тобой знакомы.

– Похоже на то.

– Десятипалый?

– Верно. А ты Вест. Из Инглии.

– Да, это я. Я прошу прощения, что не могу устроить тебе лучший прием, но армия выступила только пару дней назад. Сам видишь, порядка маловато. Не здесь, идиот! – закричал Вест на возницу, попытавшегося протиснуться между двух других повозок, хотя места явно не хватало. – В вашей треклятой стране вообще бывает лето?

– Вот оно. Где ты видишь зиму?

– Ха, очко в твою пользу. Что же привело тебя сюда?

Логен передал Весту письмо. Тот наклонился вперед, заслоня бумагу от дождя, прочитал и нахмурился.

– Подписано лорд-камергером Хоффом.

– Это хорошо?

Вест поджал губы, возвращая письмо.

– Как посмотреть. Это означает, что у тебя есть кое-какие влиятельные друзья. Или кое-какие влиятельные враги.

– И тех и других хватает.

– Думаю, одно без другого не бывает. – Вест усмехнулся. – Ты приехал сражаться?

– Именно так.

– Хорошо. Мы всегда найдем применение для человека с опытом. – Он посмотрел на рекрутов, беспорядочно слезавших с повозок, и глубоко вздохнул. – Здесь у нас народу хватает. Тебе надо присоединиться к другим северянам.

– У вас есть северяне?

– Есть, и с каждым днем становится все больше. Похоже, очень многие не очень-то довольны тем, как король ими управляет. Особенно им не нравится его сделка с шанка.

– Сделка? С шанка?

Логен помрачнел. Он никогда бы не подумал, что Бетод, каков бы он ни был, может опуститься так низко. Но это далеко не первое его разочарование.

– И что? Он призвал плоскоголовых сражаться на его стороне?

– Именно так. Он призвал плоскоголовых, а мы – северян. Мир причудлив, однако.

– Да уж, точно, – согласился Логен, качая головой. – И сколько же у вас северян?

– Около трех сотен, по последним подсчетам. Но они недисциплинированы, посчитать их непросто.

– Со мной будет три сотни плюс один, если вы меня возьмете.

– Они стоят лагерем там, на левом фланге. – Вест махнул рукой в сторону, где на фоне темнеющего вечернего неба выступали мрачные контуры деревьев.

– Хорошо. Кто у них главный?

– Один парень, они называют его Ищейкой.

Логен пристально посмотрел на Веста.

– Как они его называют?

– Ищейка. Ты с ним знаком?

– Можно и так сказать, – прошептал Логен, и улыбка тронула его губы. – Можно и так сказать...

Сумерки быстро сгущались, уже наступала ночь. Так что они сожгли немало дров в костре, когда Логен приблизился к ним. Он уже различал фигуры карлов, сидящих вокруг костра, их головы и плечи темными тенями выступали на фоне яркого пламени. Он слышал их голоса, их смех, громкий среди тишины, воцарившейся после того, как дождь прекратился. Прошло немало времени с тех пор, когда он в последний раз слышал столько голосов, переговаривающихся на северном наречии, и нынче родной язык звучал странновато для его ушей. Он возрождал в памяти ужасные картины. Он снова слышал вопли толпы – половина на его стороне, другая на противоположной. Видел множество воинов, сражающихся, празднующих победу и оплакивающих погибших. Он ощутил запах мяса, которое жарилось на костре где-то недалеко. Пряный, насыщенный запах ударил ему в нос, и в желудке забурлило.

Над тропинкой горел факел, установленный на шесте, а под ним со скучающим видом стоял парень с копьем в руке. Когда Логен подошел к нему, парень неприветливо глянул на него. Мало радости в том, чтобы стоять на часах, пока остальные едят. Конечно, караульный

тоже не радовался этому.

– Чего надо? – спросил он хрипло.

– Ищейка тут?

– Ну, тут. А тебе зачем?

– Мне надо с ним поговорить.

– Неужели. Прямо сейчас?

Подошел еще один, уже немолодой, с копной седых волос и морщинистым лицом, похожим на задубелую кожу.

– Кто здесь?

– Новый рекрут, – недовольно объяснил часовой. – Хочет видеть главного.

Старик бросил взгляд на Логена и нахмурился.

– Мы знакомы, дружище?

Логен поднял голову так, чтобы факел осветил его лицо. Всегда лучше смотреть в глаза и позволить человеку увидеть тебя, а заодно показать, что ты его не боишься. Так учил отец.

– Я не знаю тебя. А ты меня знаешь?

– Откуда ты явился? Верно, из той шайки, что прибыла с берегов Белой реки?

– Нет, я пришел один.

– Один? Что ж... Хотя...

Глаза старика распахнулись, рот приоткрылся, лицо стало белым как мел.

– Пусть мертвые заберут меня со всеми потрохами! – прошептал он и споткнулся, отступив на шаг вперед. – Это ж Деятипалый!

Отчасти Логен надеялся, что его никто не узнает. Что о нем давно забыли. Что у людей полно других забот и он сумеет раствориться среди бойцов, стать таким, как все. Но он видел взгляд старика, выражение его лица и, черт подери, понимал, что его ждет. То же самое, что и прежде. А хуже всего было то, что теперь, когда Логен увидел ужас и преклонение в глазах старого бойца, он не был уверен, что не желает этого видеть. Ведь он заслужил все это. В конце концов, факты – упрямая вещь.

Да, он Логен Деятипалый.

Однако парень, похоже, пока не уяснил этого.

– Вы что, шутите? Разыгрываете меня? Расскажи еще, что сейчас сюда явится сам Бетод.

Но никто не засмеялся, а Логен поднес руку к лицу и смотрел на парня сквозь зазор на месте среднего пальца. Парень перевел взгляд с обрубка на дрожащего старика, потом снова на обрубок.

– Черт, – просипел он.

– Так, где ваш главный, сопляк?

Собственный голос испугал Логена. Он прозвучал ровно, мертво и холодно, как снег зимой.

– Он... он... – Парень поднял руку и дрожащим пальцем указал в сторону костров.

– Отлично. Думаю, я его разыщу.

Оба северянина посторонились, пропуская Логена. Нельзя сказать, что он улыбнулся, проходя мимо них, – скорее растянул губы и оскалил зубы. В конце концов, надо соответствовать своей репутации.

– Бояться нечего, – прошипел он, приблизив к ним лицо. – Я же на вашей стороне.

Никто не произнес ни слова, пока он шел за спинами карлов к главному костру. Двое обернулись через плечо, но для них Логен был лишь еще одним новичком, пришедшим

в лагерь. Они не имели представления, кто он таков, но скоро узнают. Старик и часовой будут шептаться об этом, их кто-то услышит, слухи распространятся от костра к костру, как это обычно бывает, и тогда все станут глазеть на него и следить за ним.

Он заметил огромную тень. Человек такой мощный и высокий, что с первого взгляда его можно было принять за дерево, почесывал бороду и с улыбкой смотрел на костер. Тул Дуру. Грозовую Тучу Логен бы не спутал ни с кем даже в полутьме. Второго парня с такими габаритами встретить трудно. Логен лишь в который раз подивился: как ему, черт возьми, удалось одолеть Тула когда-то.

Потом ему вдруг захотелось опустить голову, молча пройти мимо и, не оборачиваясь, скрыться в ночи. Тогда не придется снова становиться Девятипалым, а парень у сигнального столба и старик будут убеждать всех, что видели призрак в ночи. Он мог уйти далеко и все начать заново, стать кем угодно, по своему желанию. Но однажды он уже попробовал это, и не вышло ничего хорошего. Прошное преследовало его, дышало ему в спину. Пора обернуться и взглянуть ему в лицо.

– Здорово, громила!

Тул внимательно всматривался в него в сумерках. Оранжевый свет костра и черные тени мелькали на его лице, похожем на большой неотесанный камень, на включенной бороде, ковром накрывавшей грудь.

– Ты кто... погоди-ка...

Логен ждал в напряжении. До этой минуты он не думал о том, как его встретят. Они довольно долго враждовали до того, как стали друзьями. Каждый из них когда-то сражался с ним. Каждый был способен убить его и имел на то немало причин. Потом Логен сбежал на юг и оставил их сражаться с шанка. Возможно, после долгого отсутствия его встретят лишь холодные, равнодушные взгляды.

Но Тул сграбастал его огромными ручищами и сдавил в сокрушительном объятии.

– Ты живой!

Он отстранил Логена от себя и вглядывался, убеждаясь, что это тот самый человек, а потом снова прижал к груди.

– Да, я живой, – с трудом произнес Логен. Ему едва хватило дыхания, чтобы произнести это.

Во всяком случае, одной теплой встречи он дождался.

Лицо Тула сияло улыбкой.

– Пошли! – Он подтолкнул Логена вперед. – Ребята просто рухнут.

Он шел за Тулом к главному костру, где расположился вождь с ближайшими названными воинами. Сердце его отчаянно колотилось. Да, они были там, сидели кружком на земле. Ищейка устроился в самой середине и вполголоса что-то говорил Доу. Молчун сидел напротив, опершись на локоть, и возился с оперением на стрелах. Как будто ничего не изменилось.

– Тут кое-кто хочет увидеться с тобой, Ищейка! – проговорил Тул.

Его голос почти срывался от предвкушения того, что за этим последует.

– Прямо сейчас? – Ищейка обернулся и взглянул на Логена, стоявшего в тени за огромным плечом Тула. – Это не может подождать, пока мы поедем?

– Думаю, никак не может.

– Почему? Кто там с тобой?

– Кто? – Тул схватил Логена за плечо и подтолкнул к костру, к свету. – Да всего лишь

Логен Девятипалый, черт его дер!

Сапог Логена скользнул по грязи, и он чуть не хлопнулся на задницу. Пришлось раскинуть руки, чтобы сохранить равновесие. Разговоры вокруг костра вмиг стихли, все обернулось к Логену. Два длинных ряда застывших в оцепенении людей, едва различимых в пляшущих бликах огня. Полное молчание, прерываемое лишь завыванием ветра и потрескиванием дров в костре. Ищейка неотрывно смотрел на Логена, точно видел перед собой пришельца из царства мертвых, а рот его открывался все шире и шире.

– Я думал, вы все погибли, – произнес Логен, распрямившись. – Решил, что это вероятнее всего.

Ищейка медленно поднялся. Он протянул руку, и Логен принял ее.

Сказать было нечего. Во всяком случае, им, двум воинам, столько пережившим вместе: они сражались с шанка, переходили горы, воевали и так далее. Годы, многие годы. Ищейка сжал его ладонь, и Логен положил вторую поверх его руки, а Ищейка увенчал это рукопожатие своей второй рукой. Они улыбнулись, глядя друг на друга, кивнули, и все вернулось на круги своя, как прежде. Ничего не требовалось говорить.

– Молчун, я рад тебя видеть.

– Угу, – просипел Молчун, передавая ему кружку, а потом снова занялся своими стрелами, будто Логен отлучался на минуту, чтобы отлить, а теперь вернулся.

Логен только усмехнулся. На большее он и не рассчитывал.

– Это Черный Доу спрятался там?

– Я бы спрятался получше, если бы знал, что ты явишься.

Доу смерил Логена взглядом с ног до головы, и его усмешку нельзя было назвать дружелюбной.

– А если это все-таки не Девятипалый? Разве не ты говорил, что он упал со скалы? – грубо спросил он у Ищейки.

– Я говорил, что видел это.

– О, со мной так и было. – Логен вспомнил, как ветер бил в лицо, вспомнил утес в снегу, а затем – страшный треск, когда вода нахлынула, перехватив дыхание. – Да, я сорвался, но потом меня прибило к берегу.

Ищейка подвинулся, чтобы Логен мог сесть на расстеленные перед костром шкуры. Он сел, и остальные уселись рядом.

Доу покачал головой.

– Тебе всегда чертовски везло, когда дело касалось выживания. Я должен был догадаться, что ты выкрутишься.

– Я считал, что вас схватили плоскоголовые, – сказал Логен. – Как вам удалось уйти?

– Тридуба нас вывел, – ответил Ищейка.

Тул кивнул.

– Он вел нас через горы, потом мы пересекли Север и пришли в Инглию.

– И всю дорогу собачились, как старухи?

Ищейка с усмешкой взглянул на Доу.

– Ну были кое-какие жалобы в пути.

– Ну а где же Тридуба?

Логен с нетерпением ждал хотя бы словечка о старом друге.

– Он мертв, – произнес Молчун.

Логен вздрогнул. Он понял: да, так и должно быть, раз главным стал Ищейка.

Тул кивнул своей огромной головой.

– Погиб в сражении. Возглавил атаку на шанка. Дрался с этим чудовищем – Наводящим Ужас.

– Чертов урод, отвратительная мразь! – Доу с яростью плюнул в грязь.

– А Форли?

– Тоже мертв, – резко ответил Доу. – Мы направились в Карлеон предупредить Бетода, что шанка пересекают горы. Кальдер убил его. Просто так, ради забавы. Подонок!

Он снова сплюнул. Он всегда умел плевать, этот Доу.

– Мертвы... – Логен покачал головой.

Форли мертв, и Тридуба тоже мертв. Он испытывал острое чувство досады и стыда. Но совсем недавно он думал, что они все мертвы, вернулись в грязь, так что четверо, которые выжили, это уже подарок в любом случае.

– Что ж, они оба были отличные парни. Лучшие, и умерли достойно, как я понял. Так может случиться с каждым.

– Да, – произнес Тул, поднимая кружку. – И с тобой могло. Давай за мертвых.

Они выпили в молчании, и Логен причмокнул губами, почувствовав вкус пива. Давно забытый.

– Да, год прошел, – проворчал Доу. – Мы кое-кого убили, отмерили немало дорог, ввязались в это проклятое, никому не нужное сражение. Потеряли двоих товарищей и выбрали вождя. А что было с тобой, Логен Девятипалый?

– Ну... что-то вроде сказки. – Логен спросил себя, какая же это сказка, и не смог найти ответ. – Я думал, шанка убили вас всех или забрали с собой, ведь жизнь приучила меня всегда предполагать худшее. Так что я отправился на юг и встретился с этим фокусником, колдуном. Мы с ним отправились в путешествие – очень далеко, за море, чтобы найти какую-то штуковину. А когда добрались до места, ее там не оказалось.

Он рассказывал и понимал, что его история звучит как бред сумасшедшего.

– Что за штуковина? – спросил Тул, скорчив озадаченную гримасу.

– А кто ее знает. – Логен облизнул зубы, на которых остался привкус пива. – Я понятия не имею.

Они переглянулись, словно никогда прежде не слышали такой нелепой истории. Логен не мог не согласиться, что так оно и есть.

– Впрочем, сейчас это не имеет значения. Оказалось, жизнь не так тошнотворна, как я думал.

Он дружески хлопнул Тула по спине. Ищейка вдохнул и выдохнул, раздувая щеки.

– Ну, как бы там ни было, нам по душе, что ты вернулся. Я так понимаю, что ты снова займешь свое место?

– Мое место?

– Ну, будешь командовать. Ты ведь был главным.

– Был, но у меня нет желания снова становиться вождем. Мне кажется, парни вполне довольны нынешним положением дел.

– Но ты умеешь вести за собой людей лучше, чем я.

– Не думаю. Пока я командовал, ничего хорошего не было – ни для нас самих, ни для тех, кто сражался на нашей стороне, ни для тех, кто дрался против нас. – Логен поник, вспоминая былое. – Я займу свое место, если ты хочешь этого, но лучше мне последовать за тобой. Мое время прошло, и оно было не лучшим.

Ищейка растерялся. Он явно надеялся на иной ответ.

– Ну, если ты уверен...

– Я уверен. – Логен хлопнул его по плечу. – Что, не так-то просто быть вожаком?

– Да уж, – недовольно кивнул Ищейка, – дьявольски непросто.

– Кроме того, как я понимаю, многие из этих парней прежде враждовали со мной и не очень-то рады меня видеть.

Логен оглядел ряды воинов, сидящих у костра, посмотрел на их напряженные лица, услышал, как они повторяют его имя. Они говорили слишком тихо, но он мог догадаться, что речи эти вовсе не хвalebные.

– Не бери в голову, они будут скакать от счастья, что ты воюешь вместе с ними, когда начнутся боевые действия.

– Посмотрим.

Логену показалось ужасно обидным то, что ему придется вступить в драку и убивать ради того, чтобы заслужить признание людей. Он ощущал на себе пытливые взгляды из темноты, но все мгновенно отводили взоры, как только он к ним оборачивался. Только один человек не опустил глаз – здоровый парень с длинными волосами, сидевший посередине.

– Это кто? – спросил Логен.

– Где?

– Вон тот, который постоянно смотрит на меня.

– Это Трясучка.

Ищейка облизнул пересохшие губы.

– Он крепкий орешек, этот Трясучка. Несколько раз дрался с нами, и отлично дрался. Я вот что скажу – он хороший человек, и мы перед ним в долгу. Но, кроме того, будь я неладен, если не скажу тебе, что он сын Гремучей Шеи.

Логен вдруг ощутил приступ дурноты.

– Кто он?

– Второй сын.

– Тот мальчик?

– Много времени прошло с тех пор. Мальчики стали взрослыми.

Да, много времени прошло, но ничто не забылось. Логен сразу почувствовал это. Ничто не забывается здесь, на Севере, и ему следовало знать об этом.

– Мне нужно ему кое-что сказать. Если нам придется вместе драться... я должен ему кое-что сказать.

Ищейка поморщился.

– Думаешь, стоит? Некоторые раны лучше не трогать. Ешь, а поговоришь с ним утром. С утра любые вести звучат приятнее. Я думаю так, но решай сам.

– Уф, – недовольно буркнул Молчун.

Логен поднялся.

– Ты прав, но лучше сделать дело...

– Чем жить в страхе перед ним. – Ищейка кивнул в сторону костра. – Тебя ничто не изменит, Логен, это точно.

– Тебя тоже, Ищейка. Тебя тоже.

В темноте, пахнувшей дымом, жареным мясом и натруженными человеческими телами, он прошел за спинами карлов, сидевших у огня. Он видел, как они сутулятся и что-то бормочут при его приближении. Он знал, о чем они думают: этот треклятый Девятипалый

сейчас за моей спиной, а он последний человек в мире, которого стоит подпускать к себе сзади. Трясучка неотрывно и холодно наблюдал за ним, вполглаза смотрел сквозь упавшие на лицо длинные волосы, сжав губы в ниточку. В руке у него был нож, предназначенный для еды, но вполне пригодный для того, чтобы проткнуть человека. Логен видел, как отблески пламени играют на лезвии, когда присел рядом с Трясучкой на корточки.

– Значит, ты и есть Девятипалый?

Логен поморщился.

– Да. Это я.

Трясучка кивнул, так же пристально глядя на него.

– Вот, значит, какой ты, Девятипалый.

– Надеюсь, ты не разочарован.

– Да нет. Нисколько. Хорошо, что у тебя хватает наглости.

Логен опустил голову, придумывая, с чего начать. Согласиться или возразить, умыться руки или подставить щеку? Он искал слова оправдания, которые могли бы сдвинуть дело с мертвой точки.

– Тогда было трудное время, – произнес он, наконец.

– Труднее, чем сейчас?

Логен закусил губу.

– Да, возможно.

– Времена всегда трудные, – проговорил Трясучка сквозь зубы. – Это не значит, что можно творить всякое дерьмо.

– Ты прав. Для того, что я сделал, прощения нет. Я не горжусь этим. Не знаю, что еще сказать. Просто надеюсь, что ты сумеешь на время отложить наши счета и мы сможем драться бок о бок.

– Я не буду ходить вокруг да около, – ответил Трясучка, и его голос прозвучал сдавленно, словно он прилагал огромные усилия, стараясь не закричать или не разрыдаться. Или то и другое разом. – Мне нелегко отступить в сторону. Ты убил моего брата, хотя пообещал ему помилование. Ты отсек ему руки и ноги, потом прибил гвоздями его голову, как это принято у Бетода.

Пальцы его руки, сжимавшей нож, побледнели и дрожали от напряжения. Логен видел, что Трясучка едва сдерживается, чтобы не всадить нож ему в лицо, и не винил его за это. Нисколько не винил.

– Мой отец после этого изменился навсегда. Словно вся жизнь ушла из него. Я много лет мечтал надрать тебе задницу, кровавый Логен.

– Что ж. – Логен неторопливо кивнул. – В этом стремлении ты не одинок.

Он ловил холодные взгляды, прилетавшие к нему от костров. Сдвинутые брови среди теней, мрачные лица в бликах света. Незнакомые люди инстинктивно боялись его или таили вражду. Целое море страха, целое море вражды. Он мог сосчитать на пальцах одной руки, сколько людей на самом деле рады тому, что он оказался жив. Причем на той руке, где не доставало пальца. И ему предстояло сражаться на стороне этих людей.

Ищейка был прав. Некоторые раны лучше не теревить. Логен встал, резко приподнял плечи и пошел назад к костру – туда, где разговор завязался гораздо легче.

Он не сомневался, что Трясучка пуще прежнего жаждет убить его. В этом не было ничего удивительного. Надо смотреть правде в глаза. Никакие слова не исправят того, что уже сделано.

Наставник Глокта!

Мы не были официально представлены друг другу, но я слышал ваше имя довольно часто в последние несколько недель. Куда бы я ни зашел, неизменно оказывалось так, что вы только что покинули это место или вот-вот должны туда пожаловать. Надеюсь, здесь нет никакого злого умысла, но это вносило путаницу, осложняящую все переговоры, которые я вел.

Несмотря на то что наши наниматели по роду своих обязанностей находятся в постоянной конфронтации, я не вижу причин, почему бы нам с вами не вести себя цивилизованно. Вполне вероятно, что мы сумеем найти взаимопонимание. Это облегчило бы нам работу и сделало более значительными ее результаты.

Я буду ждать вас на скотобойне рядом с площадью Четырех Углов завтра утром с шести часов. Прошу прощения за столь неприятное место беседы, но я полагаю, что так будет лучше, поскольку нам предстоит приватный разговор.

Смею надеяться, что ни вас, ни меня не отпугнут нечистоты под ногами.

Харлен Морроу,

секретарь верховного судьи Маровии

Будьте любезны, пожалуйста в вонючую дыру.

«Вряд ли несколько сотен свиней благоухают».

Пол в мрачном складском помещении был скользким от зловонных испражнений, воздух пропитан отчаянием. Свиньи визжали, хрюкали и толкали друг дружку в тесных загонах, чувствуя, что нож палача совсем близко. Однако, как заметил Морроу, Глокта был не из тех, кого пугает шум, ножи или, коли уж на то пошло, неприятный запах.

«Я целые дни копаюсь в дерьме, пусть в переносном смысле. Зачем пренебрегать настоящим?»

То, что пол был скользкий, заботило его куда больше. Он передвигался мелкими шагами, нога пылала от боли.

«Эдак можно явиться на встречу по уши в свинячьем дерьме. Вряд ли это способствует созданию образа неустрашимого и беспощадного».

Вскоре он увидел Морроу. Тот стоял, опираясь на ограду одного из загон.

«Словно фермер, с восторгом наблюдающий за своим стадом, состоящим сплошь из победителей и призеров».

Глокта захромал к нему. Его сапоги хлюпали, проваливаясь в грязь, он морщился от боли и тяжело дышал, пот градом катился у него по спине.

– Ну, Морроу, вы умеете сделать приятное девушке, я вам доложу.

Секретарь Маровии усмехнулся. Это был невысокий человечек с круглым лицом, в очках.

– Наставник Глокта, позвольте мне сразу заметить, что я с восхищением отношусь к вашим достижениям в Гуркхуле. Ваш метод ведения переговоров...

– Я пришел не для того, чтобы обмениваться любезностями, Морроу. Если вы хотели только этого, можно было подыскать местечко, где пахнет более приятно.

– И общество получше. Тогда к делу. Времена сейчас тяжелые.

– Я с вами полностью согласен.

– Перемены. Неуверенность. Волнения среди крестьян...

– Это даже больше, чем волнения, вы не находите?

– Точнее, восстание. Будем надеяться, полковник Луфар оправдает доверие Закрытого совета и мятежников остановят на подступах к городу.

– Я бы даже его труп не подставил, чтобы защититься от стрелы. Но у Закрытого совета свои соображения.

– У Закрытого совета всегда свои соображения. Правда, не всегда единогласные.

«Они никогда не соглашаются друг с другом. Это стало правилом в их треклятом совете».

– Но на тех, кто служит совету, – Морроу значительно взглянул на Глокту поверх очков, – ложится весь груз их противоречий. Мне кажется, мы наступаем друг другу на пятки и потому не можем чувствовать себя удобно.

– Ха, – усмехнулся Глокта, стараясь пошевелить онемевшим пальцем в ботинке. – Я очень надеюсь, что у вас на ногах не слишком много мозолей. Никогда не прощу себе, если из-за меня вы захромаете. У вас есть предложения?

– Да, можно так сказать. – Морроу улыбнулся, наблюдая, как свиньи в загоне ерзают, толкаются, прыгают друг другу на спину. – На ферме, где я вырос, держали боровов.

«Не надо, бога ради. Все, что угодно, только не жизнеописание».

– И мне поручали их кормить. Я вставал рано утром, затемно, и на улице было так холодно, что от дыхания шел пар.

«Живая картинка! Юный мастер Морроу, стоя по колено в дерьме, наблюдает, как его хрюшки набивают животы, и мечтает убежать подальше. Новая жизнь, полная захватывающих событий в сверкающем, богатом городе».

Морроу усмехнулся, взглянув на Глокту. Стекла его очков блеснули в неярком свете.

– Вы знаете, эти твари едят все подряд. Даже калек.

«Ах, вот оно что».

Глокта тут же заметил человека, который украдкой направлялся к ним из дальнего конца сарая. Крепкого телосложения мужчина в поношенном камзоле явно старался держаться в тени. Ладонь крепко прижата к боку, рука в рукаве характерно согнута.

«Так, словно он хочет скрыть нож, но у него плохо получается. Лучше бы просто подошел с улыбкой на лице и открытым лезвием в руке. Найдется тысяча причин для того, чтобы носить при себе нож на скотобойне. Но есть только одна причина, чтобы этот нож прятать».

Он взглянул через плечо, сморщившись от хруста в шее.

Еще один человек, очень похожий на первого, подбирался к нему с другой стороны. Глокта вскинул брови.

– Наемные убийцы? Как-то неоригинально.

– Неоригинально, возможно, но вы сами убедитесь, что эффективно.

– Значит, меня зарежут на скотобойне, Морроу? Забьют, как скотину, там, где режут животных? Занд дан Глокта, покоритель сердец, победитель турнира, герой войны с гурками, будет сожран, переварен и вывален с дерьмом дюжиной свинок?

Он фыркнул от смеха и вынужден был вытереть слюну с верхней губы.

– Я очень рад, что вам нравится ирония этой ситуации, – пробормотал Морроу – судя по

виду, слегка растерянно.

– О да, конечно. Быть скормленным свиньям. Это настолько очевидно, что я этого даже не ожидал. – Он глубоко вздохнул. – Но «не ожидал» и «не предпринял меры» – это совершенно разные вещи.

За шумом, поднятым свиньями, звука тетивы почти не было слышно. Наемный убийца как будто поскользнулся, выронил свой блестящий нож и упал на бок. Потом Глокта увидел, что в боку у него торчит арбалетная стрела.

«Обычное дело, но всегда кажется, что это какое-то чудо».

Наемник с другой стороны скотобойни в испуге отступил на шаг, не заметив, как практик Витари неслышно проскользнула под оградой пустого загона за его спиной. В полутьме сверкнул металл, когда она ударила по сухожилиям под его коленом и перерезала их. Он упал, и его крик быстро стих, когда она проворно затянула цепь на его шее.

Секутор легко спустился со стропил слева от Глокты и прыгнул в грязь. Арбалет висел у него за спиной. Он прошелся, пнул ногой выпавший из рук убийцы нож и наклонился, чтобы посмотреть на человека, которого убил.

– Я должен тебе пять марок, – сказал он Инею. – В сердце не попал, черт подери. В печень, может быть?

– Пефень? – пробормотал альбинос, выходя из сумрака в дальнем конце скотобойни.

Поверженный убийца с трудом встал на колени, сжимая древко стрелы, торчащее в его боку. Перекошенное от боли лицо было измазано испражнениями. Приблизившись, Иней поднял трость и коротко ударил его в затылок, резко оборвав его стоны, и толкнул лицом в грязь. Тем временем Витари поборола на полу второго убийцу, уперлась в него коленом, сильно прижала к полу и затянула цепь у него на шее. Сопротивление жертвы становилось все слабее. Наконец он затих.

«Еще один покойник на полу скотобойни».

Глокта обернулся к Морроу:

– Как быстро все может перемениться, Харлен. Только что каждый стремился поклониться вам, а что будет мгновение спустя? – Он с грустью постучал испачканным концом трости по своей бесполезной ступне. – Вы проиграли. Это суровый урок.

«Мне ли не знать».

Секретарь Маровии отступил, облизнул губы, вытянул руку вперед и произнес:

– Погодите...

– А зачем? – Глокта поджал нижнюю губу. – Вы всерьез думаете, что мы можем вспылать друг к другу нежными чувствами после этого?

– Возможно, мы можем прийти к какому-то...

– Меня не огорчило то, что вы пытались убить меня. Но надеяться на такое? Мы с вами профессионалы, Морроу. Для меня оскорбительна сама мысль о том, что это может сработать.

– Я задет, – пробормотал Секутор.

– Я уязвлена, – пропела Витари, цепи звякнули в темноте.

– Глуфоко офижен, – проворчал Иней, подбираясь к Морроу сзади, со стороны загона.

– Вы могли бы и дальше облизывать жирный зад Хоффа. Или оставаться на вашей ферме и ходить за свиньями. Пускай это грубая работенка, да еще надо так рано вставать – но вы были бы живы.

– Подождите! Но... ву-у-у-гх...

Секутор схватил Морроу сзади за плечо, ударил ножом в шею и перерезал ему горло так спокойно и хладнокровно, будто разделявал рыбу.

Кровь брызнула на сапоги Глокты. Он отступил на шаг, сморщившись от боли, пронизавшей искалеченную ногу.

– Черт, – прошипел он сквозь стиснутые беззубые десны, чудом не споткнувшись и не упав задом в свинячье дерьмо. Сохранил равновесие только потому, что успел схватиться за ближайшую ограду.

– Ты не мог его придушить?

– А какая разница?

Морроу упал на колени. Очки соскользнули с его лица, одну руку он прижимал к перерезанному горлу, пока кровь, пузырясь, заливала воротник рубашки.

Глокта наблюдал, как секретарь опрокинулся на спину, одна его нога ударилась об пол, каблук несколько раз прочертил длинные полосы в густой жиже.

«Бедные свинки на ферме. Они никогда не увидят своего мастера Морроу. Не увидят, как он спускается с холма, возвращаясь домой после полной приключений жизни в блестящем столичном городе, и пар струится от его дыхания в холодном утреннем воздухе...»

Конвульсии секретаря становились все слабее. В конце концов он затих. Держась за поручень, Глокта наклонился и несколько мгновений рассматривал тело.

«Когда точно я превратился... вот в это самое? Постепенно, я полагаю. Шаг за шагом по дорожке, от которой никуда не денешься. Приходится идти вперед, для этого всегда находятся веские причины. Мы делаем то, что должны, что нам приказывают, что проще всего. Решаем эту жалкую задачку. А потом смотрим на себя и обнаруживаем, что превратились... вот в это самое. – Он взглянул на брызги крови, поблескивающие у него на ботинке, сморщил нос и вытер их о ноги Морроу. – А, ладно. Я бы желал посвятить свое время философии, но у меня слишком много дел. Чиновники, которые берут взятки, вельможи, которые занимаются шантажом, голоса, которые нужно раздобыть, секретари, которые не брезгают преступлениями, любовники, которых надо припугнуть и поставить на место. Очень много объектов внимания. Не успеет один упасть на залитый дерьмом пол, как тут же появляется другой – с острым как бритва кинжалом, готовый отсечь мне голову. И конца-края этому не предвидится».

– Наши друзья-кудесники вернулись в город.

Секутор поднял маску и поскреб щеку.

– Тот самый маг?

– Да, первый из паршивцев, никак не меньше, и вся его компания неустрашимых героев. Он сам, недоносок ученик и та женщина. И навигатор. Неусыпно следите за ними. Не отобьется ли какой-нибудь поросенок от стада? Давно пора узнать, чем они там заняты. Тот очаровательный домик у воды все еще твой?

– Конечно.

– Хорошо. Может статься, мы перехватим инициативу, и когда его преосвященство потребует ответы, мы их уже получим.

«А меня самого мой повелитель, наконец-то, погладит по головке».

– С этими что делать? – Витари кивнула своей коротко стриженной головой на трупы.

Глокта вздохнул.

– Свиньи едят все подряд, насколько я понял.

Город постепенно погружался в сумерки, пока Глокта хромал по пустеющим улицам в Агрионт. Лавочники закрывали двери магазинов, домовладельцы зажигали лампы в комнатах, желтоватый свет свечей, пробиваясь сквозь узкие щели ставней, струился в темные переулки.

«Счастливые семейства мирно усаживаются ужинать. Любящие мужа с любящими женами и очаровательными детишками, благополучная, насыщенная жизнь. Мои самые искренние поздравления».

Он вдавил оставшиеся зубы в больные голые десны, стараясь не снижать темп ходьбы. Его рубашка почти насквозь промокла от пота, нога все сильнее ныла при каждом шаге.

«А я все никак не покончу с этим бесполезным куском падали».

Боль постепенно поднималась от лодыжки к колену, от колена к бедру, от бедра к искривленному позвоночнику и дальше, в череп.

«И все усилия – лишь ради того, чтобы уничтожить клерка средней руки, работавшего в нескольких кварталах от Допросного дома. До обидного пустая трата моего времени, вот что это такое, чертовски...»

– Наставник Глокта?

Какой-то человек приблизился к нему с явной почтительностью, его лицо скрадывали сумерки. Глокта быстро взглянул на него.

– Я...

Все было сделано очень ловко. Он не успел толком разглядеть человека, окликнувшего его, а на голову ему уже натянули мешок и повели, завернув руку за спину и подталкивая вперед. Он спотыкался, опирался на трость и слышал, как она ударяется о камни.

– А-ах!

Обжигающий спазм сковал его спину, когда он без особой надежды на успех попытался высвободить руку. Ему пришлось припасть на больную ногу и задышаться от боли в мешке, закрывшем его голову. Через мгновение запястья сдавили веревки, и Глокта почувствовал, как могучие руки подхватили его под мышки с обеих сторон и потащили с невероятной быстротой. Его ноги почти волочились по камням.

«Это самое быстрое мое передвижение за долгое время».

Они держали его не грубо, но очень крепко.

«Профессионалы. И уж точно более высокого класса, чем наемники Морроу. Тот, кто послал их, явно не дурак, вот только кто он? Сам Сульт, кто-то из его врагов? Один из соперников в борьбе за трон? Верховный судья Маровия? Лорд Брок? Кто-то из членов открытого совета? А может быть, гурки? Они никогда не были моими близкими друзьями. Или банкирский дом «Валинт и Балк» решил таким образом напомнить мне о долгах? А может, я сильно недооценил молодого капитана Луфара? Или старина Гойл больше не желает делить свой хлеб с жалким калекой вроде меня?»

Получался целый список. Глокта не мог исключить ни одной возможности.

Он ясно различал шаги с обеих сторон. Узкие улочки. У него не было ни малейшего представления, как далеко его увели. Он задышался в мешке, хрипел и кашлял.

«Сердце колотится, холодный пот градом. Волнующая картина. Даже пугающая. Что им может быть нужно от меня? Если людей похищают прямо на улице, то явно не для того, чтобы порадовать, накормить сладостями или нежно расцеловать. А жаль. Я знаю, для чего похищают людей. Очень хорошо знаю».

Несколько шагов вниз, и носки его ботинок беспомощно скользнули по ступеням

лестницы. Потом стук захлопнувшейся тяжелой двери. Опять шаги, отдающиеся эхом под сводами выложенного плиткой коридора. Еще одна дверь хлопнула, закрываясь. Он почувствовал, как его без церемоний бросили на стул.

«Ну вот, теперь все выяснится, к лучшему или к худшему».

Мешок неожиданно сорвали с головы, и Глокта прищурился, когда яркий свет ударил ему в глаза.

Белая комната была слишком ярко освещена, чтобы чувствовать себя уютно.

«Мало кто лучше меня знает такого рода мрачные комнаты. С этой стороны стола все выглядит еще уродливее».

Кто-то сидел напротив него.

«Какая-то расплывчатая фигура».

Он закрыл один глаз и пристально вглядывался вторым, пока зрение не пришло в норму.

– О, – пробормотал он. – Вот так сюрприз.

– Надеюсь, приятный.

– Ну, это мы увидим.

Карлотта дан Эйдер изменилась.

«Я бы сказал, ссылка пошла ей на пользу».

Ее волосы снова отросли – не как прежде, конечно, но достаточно для того, чтобы сделать очень красивую прическу. Синяки вокруг горла поблекли, остались лишь едва различимые отметины в тех местах, где ее щеки покрывала короста. Она сменила холщовую тюремную робу предательницы на дорожный костюм обеспеченной женщины и выглядела в нем весьма привлекательно. Драгоценности сверкали на пальцах и в ожерелье вокруг шеи. Она казалась такой же богатой и благополучной, как в то время, когда они с Глоктой впервые встретились. И точно так же улыбалась.

«Улыбка игрока, придержавшего козырную карту. И как же я не догадался? Никогда не надо делать хороших подарков. Особенно женщинам».

Рядом с ней, под рукой, лежали ножницы. Острые маникюрные ножницы состоятельной женщины.

«Но они вполне сгодятся, чтобы вспороть человеку подошву, расширить ноздри, а также подрезать уши. Не торопясь, один кусочек за другим».

Глокта осознал, что ему очень трудно отвести взгляд от этих блестящих маленьких лезвий, посверкивающих в ярком свете ламп.

– Помнится, я наказывал вам никогда не возвращаться, – произнес он, но его голосу недоставало обычной суровости.

– Да, вы говорили. Но потом я подумала: почему бы нет? У меня есть активы в городе, и я не хочу от них отказываться, и кое-какие выгодные дела.

Она взяла маникюрные ножницы, отрезала еле заметный заусенец в уголке своего великолепно отточенного ногтя на большом пальце и сдвинула брови, рассматривая результат.

– К тому же вам вряд ли придет в голову сообщить кому-нибудь о том, что я здесь.

– Я неизменно забочусь о вашей безопасности, – недовольно произнес Глокта.

«А вот моя собственная безопасность улетучивается с каждым мгновением, увы. Сколько человека ни калечь, всегда можно добавить еще».

– Неужели все эти хлопоты нужны вам только для того, чтобы уладить торговые дела?

Ее улыбка стала еще шире.

– Надеюсь, мои люди не причинили вам вреда. Я просила их быть аккуратными. По крайней мере, пока.

– Даже очень вежливое похищение – все равно похищение, вы не находите?

– Ну, похищение – такое неприятное слово. Почему бы нам не счесть это приглашением, от которого трудно отказаться? Во всяком случае, я оставила вам вашу одежду.

– Эта особая милость не только для меня, но и для вас, поверьте. Но куда вы меня приглашаете, позвольте спросить? Если не считать довольно грубого обращения и короткой беседы.

– Даже обидно, что вам этого мало. Но кое-что есть, коли вы уж заговорили об этом. – Она срезала еще один заусенец своими ножничками и подняла на него глаза. – Со времен Дагоски остался один должок. Я не смогу спать спокойно, пока он не оплачен.

«Несколько недель в темной камере и удушение почти до смерти? Чем и как она может отплатить мне?»

– Что ж, говорите, – процедил Глокта, сжав десны. Одно его веко дрожало, когда он смотрел на маленькие лезвия ножниц. Они двигались: чик, чик, чик... – Я весь в нетерпении.

– Гурки идут.

Он немного помолчал, озадаченный.

– Идут сюда?

– Да. В Срединные земли. В Адую. К вам. Они построили флот, тайно. Начали строить его сразу после последней войны, сейчас завершили. Их суда могут соперничать с кораблями Союза. – Она бросила ножницы на стол и глубоко вздохнула. – Во всяком случае, так говорят.

«Корабли гурков, точно как говорил Юлвей, явившийся ночью. Возможно, это пустые слова. Но слухи порой оказываются правдой».

– Ну, и когда же они явятся?

– Этого я не могу сказать. Собрать такой поход – колоссальная работа. Но гурки всегда были организованы гораздо лучше, чем мы. Именно поэтому иметь с ними дело – одно удовольствие.

«Мой собственный опыт был не такой радостный».

– Сколько же у них сил?

– Много, я полагаю.

Глокта усмехнулся.

– Простите меня, если я не вполне доверяю словам человека, чье предательство было доказано. Тем более вы не очень-то щедры на подробности.

– Как хотите. Я пригласила вас, чтобы предупредить, а не убеждать. Я обязана вам жизнью.

«Как трогательно старомодно это звучит в ее устах».

– И все?

Она вытянула руки перед собой.

– Может ли дама привести в порядок ногти или это преступление?

– Но почему нельзя было просто написать мне? – резко осведомился Глокта. – А не волочить меня за шкуру по улицам.

– О, не надо волноваться. Вы всегда производили впечатление человека, не боящегося неудобств. Кроме того, нам представился случай возобновить чрезвычайно приятное знакомство. Позвольте мне этот краткий миг торжества после всего, что мне пришлось

претерпеть от вас.

«Что ж, я не против. Я попадал и в менее приятные ловушки. По крайней мере, вкус у нее получше, и встретились мы не в свинарнике».

– Значит, я могу просто уйти?

– Эй, кто-нибудь подобрал трость?

Никто не откликнулся. Эйдер широко улыбнулась, показав ослепительно-белые зубы.

– Ну да, вы можете удалиться ползком. Как вам такое?

«Лучше так, чем всплыть на поверхность канала после того, как несколько дней пролежал на его дне, раздутый, как огромный бледный слизняк, и вонючий, как все могилы на городском кладбище».

– Ну, хотя бы так. Однако я спрашиваю себя: что удержит меня от того, чтобы послать практиков по запаху ваших дорогих духов после того, как мы закончим разговор? И они завершат то, что начали.

– Ваши слова меня не удивляют, это очень похоже на вас. – Она вздохнула. – Но должна сообщить вам, что у одного моего старинного и заслуживающего доверия делового партнера имеется заверенное печатью письмо. В случае моей смерти оно ляжет на стол архилектора и откроет ему истину относительно того, что случилось со мной в Дагоске.

Глокта раздраженно пожевал деснами.

«Сейчас мне придется жонглировать ножами».

– А что произойдет, если независимо от моих действий вы вдруг умрете от болезни? Или на вас обрушится дом? Или вы подавитесь куском хлеба?

Она широко распахнула глаза, как будто подобная мысль в первый раз пришла ей в голову.

– В любом из этих случаев... письмо все равно будет отправлено, независимо от степени вашей вины. – Она как-то беспомощно рассмеялась. – Мир так устроен, что справедливости в нем не сыщешь. Но должна сказать, что жители Дагоски, взятые в плен наемники и принесенные в жертву солдаты Союза, которых вы заставили участвовать в заранее проигранном сражении, были бы довольны. – Она улыбнулась так мило, словно они говорили о садоводстве. – Для вас все было бы гораздо проще, если бы вы привели приговор в исполнение.

– Вы читаете мои мысли.

«Но уже поздно. Я сделал доброе дело, и вот, конечно, за него надо заплатить».

– Скажите мне вот что, прежде чем мы расстанемся навсегда – на что мы оба можем только надеяться. Вы вовлечены в дело с выборами? – (Глокта почувствовал, как у него дернулся глаз.) – Это относится к моим служебным обязанностям.

«На самом деле это занимает все мое время, если я не сплю».

Карлотта дан Эйдер наклонилась к нему так близко, как того требовала конфиденциальность. Локти она поставила на стол и оперлась подбородком на руки.

– Кто же будет следующим королем Союза, как вы думаете? Брок? Ишер? Или кто-то еще?

– Пока рано об этом говорить. Я работаю над этим.

– Тогда ковыляйте прочь. – Она выпятила нижнюю губу. – И будет лучше, если вы не скажете о нашей встрече его преосвященству.

Она кивнула, и Глокта почувствовал, как ему снова натянули мешок на голову.

Командный пост Джезалья – если можно говорить о командовании, когда человек пребывает в столь растерянном и смущенном состоянии, – находился на вершине довольно высокого холма. Оттуда открывался чудесный вид на широкую долину внизу. По крайней мере, в благополучные времена этот вид был чудесным. Но в нынешних обстоятельствах приходилось признать: такое зрелище трудно назвать приятным.

Основные силы восставших полностью заняли несколько обширных полей на подступах к долине. Они походили на темное, грязное, угрожающее скопище насекомых, среди которого то и дело ярко поблескивал металл. Это были крестьянские орудия труда и инструменты ремесленников, но весьма острые.

Даже издалека можно было заметить среди бунтовщиков тревожные признаки организованности – например, ровные, регулярно повторяющиеся промежутки между рядами восставших, предназначенные для того, чтобы по ним быстро доставлялись припасы и передвигались гонцы. Даже такому малоопытному командиру, как Джезаль, было очевидно: в этой армии, больше похожей на толпу, явно присутствовал кто-то, кто знал свое дело. И знал его больше, чем сам Джезаль.

Другие группы восставших, мелкие и беспорядочные, были разбросаны на довольно большом расстоянии друг от друга по всей окружающей территории, и каждая из них жила по собственным законам. Люди, которых посылали за фуражом, едой и питьем, обчистили всю округу. Эта расплзающаяся черная масса на зеленых полях напоминала Джезалью кучу черных муравьев, облепивших груды очисток от яблока. Он не имел представления, сколько их там было, но с дальнего расстояния можно было прикинуть, что не меньше сорока тысяч.

В деревне на краю долины, позади основных сил восставших полыхал огонь. Костры это или горящие дома, сказать было трудно, но Джезаль опасался второго. Три высоких столба черного дыма поднимались и плыли над округой, придавая воздуху слабый и тревожный привкус пожара.

На командном пункте должна царить атмосфера бесстрашия, вдохновляющая подчиненных, – Джезаль, конечно, помнил об этом. Но глядя на уходящее вниз и вдаль поле, он не мог не думать об огромном множестве людей на противоположном его конце, отчаянно и пугающе устремленных к цели. Он не мог удержаться и время от времени бросал взгляды на собственных воинов. Их жидкие ряды выглядели весьма неуверенно. Джезаль морщился и неловко дергал воротник своего мундира. Эта чертова штука по-прежнему жала ему шею.

– Как вы хотите расположить войска, сэр? – спросил Джезалья его адъютант майор Опкер, бросив на командира взгляд, одновременно снисходительный и заискивающий.

– Расположить войска? А, ну да...

Джезаль напряг мозги, чтобы придумать хоть что-то подходящее. Как профессиональный военный, он давно пришел к выводу: если на самом верху есть опытный и решительный командир, а внизу – опытные и решительные солдаты, то тем, кто находится между ними, можно вообще ничего не знать и не делать. Эта стратегия обеспечила ему теплое место на службе на несколько мирных лет, но теперь ее недостатки раскрылись со всей очевидностью. Если каким-то чудом один из «середняков» оказывается на посту командира со всей полнотой власти, система полностью рушится.

– Расположить войска... – снова повторил он с оттенком недовольства в голосе и нахмурил бровь, стараясь сделать вид, что он вполне владеет ситуацией. На самом деле он имел весьма отдаленное представление о том, что все это значит. – Пехоту поставить двойным порядком, – рискнул сказать он, вспомнив отрывок какой-то истории, которую рассказывал ему Коллем Вест. – Вот за тем ограждением.

И он резко указал жезлом на местность. В чем он преуспел, так это в использовании жезла, так как много репетировал перед зеркалом.

– Полковник хочет сказать, что пехоту надо поставить перед ограждением, – мягко вставил Байяз. – Она должна расположиться двойным порядком с каждой стороны вон того указателя. Легкая кавалерия за деревьями вот здесь, тяжелая – в боевом порядке клином на дальнем фланге, где ровная местность. – Он с легкостью оперировал военными терминами. – Лучники одинарным порядком встанут за изгородью, где смогут укрыться от противника. И это позволит им вести навесной огонь с высот. – Он подмигнул Джезалю. – Отличная стратегия, полковник, позволю себе заметить.

– Конечно, – ухмыльнулся Опкер и отправился передавать приказы.

Заложив одну руку за спину, Джезаль крепко сжал жезл, а другой нервно потер подбородок. Несомненно, быть командиром это нечто большее, чем слышать обращение «сэр» со всех сторон. Ему стоит почитать пару книжек, когда он вернется в Адую. Если вернется, конечно.

Три плохоразличимых фигуры отделились от общей черной массы восставших в долине и двинулись к ним, взбираясь на холм. Прикрыв глаза рукой, Джезаль смог рассмотреть кусок белой тряпки, развевавшийся над ними. Флаг парламентаров. Рука Байяза легла ему на плечо и крепко сжала, что было довольно неприятно.

– Не волнуйся, мой мальчик. Мы отлично подготовлены для драки. Но я почти уверен, что до этого не дойдет. – Он с усмешкой взглянул на людей внизу. – Абсолютно уверен.

Джезалю очень хотелось бы сказать то же самое.

Человек по прозвищу Дубильщик – знаменитый демагог, предатель и подстрекатель к мятежу – выглядел на редкость невзрачно. Он тихо сидел на складном стуле в палатке Джезала: неприметное лицо, копна давно не мытых волнистых волос, средний рост, сюртук обыденного покроя и цвета. Его усмешка говорила о том, что он отлично знает: у него есть поддержка.

– Меня прозвали Дубильщиком, – произнес он. – И я уполномочен говорить от лица тех, кто притеснен и унижен, кого используют и обманывают. Они собрались там, в долине. Со мной двое моих сподвижников в нашем, без сомнения, патриотическом деле. Два моих генерала, можно сказать. Добрый человек Худ, – он кивнул на дородного детину, сидевшего сбоку от него, с красным лицом и окладистой бородой, насупленного и мрачного, – и Коттер Хольст.

Он мотнул головой в другую сторону – на какого-то скользкого типа с длинным шрамом на щеке и мутными глазами.

– Весьма польщен, – произнес Джезаль. По его мнению, оба генерала больше смахивали на грабителей с большой дороги. – Я полковник Луфар.

– Я знаю. Видел, как вы выиграли турнир. Отлично владеете оружием, мой друг.

– О, ну да... – Джезаль растерялся от неожиданности. – Благодарю. Это мой адъютант майор Опкер, а это... Байяз, первый из магов.

Добрый человек Худ недоверчиво фыркнул, но Дубильщик только задумчиво прикусил губу.

– Хорошо. И вы явились сюда, чтобы сражаться, или для того, чтобы вести переговоры?

– Мы пришли либо для того, либо для другого.

Джезаль постарался произнести это как можно внушительнее:

– Закрытый совет, признавая ваши действия возмутительными, пришел к выводу, что у вас, возможно, имеются и некие законные требования...

Худ снова громко фыркнул.

– А что еще остается этим негодяям?

Джезаль почувствовал, что почва уходит у него из-под ног.

– Ну да... я уполномочен предложить вам некоторые уступки...

Он взял документ, подготовленный Хоффом, – серьезного вида бумагу со старательно выписанными титулами и печатью величиной с блюдце.

– Но я должен предупредить вас. – Джезаль старался, чтобы его голос звучал уверенно. – Если вы откажетесь, мы готовы сражаться, а мои люди – это наилучшим образом подготовленные и вооруженные солдаты короля. Каждый из них стоит двадцати ваших оборванцев.

Здоровяк фермер угрожающе усмехнулся.

– Лорд Финстер думал так же, а наши оборванцы прогнали его под зад коленом от одного конца его поместья до другого. Болтаться бы ему в петле, если бы его лошадка не оказалась так резва. А у вас быстрая лошадь, полковник?

Дубильщик тронул товарища за плечо.

– Спокойствие, мой сердитый друг. Мы вполне можем согласиться, если нам предложат подходящие условия. Почему бы вам не показать нам, что у вас там, полковник? А мы решим, есть ли повод для угроз.

Джезаль протянул им объемный документ. Худ сердито выхватил его из рук полковника, резко раскрыл и начал читать. Бумага шуршала по мере того, как ее разворачивали. Чем дальше Худ читал, тем мрачнее становился.

– Это оскорбление! – выпалил он, закончив, и бросил на Джезала убийственно суровый взгляд. – Снижение налогов и еще какая-то чушь об использовании общинных земель. Ваши грязные подачки не пройдут!

Он бросил свиток Дубильщику, и Джезаль напрягся. Он не имел ни малейшего понятия об этих уступках, но реакция Худа не обещала легких переговоров.

Глаза Дубильщика неторопливо скользили по тексту. Джезаль заметил, что они разного цвета: один голубой, а другой зеленый. Когда вождь мятежников дочитал до конца, он отложил документ и как-то театрально вздохнул.

– Такие условия нам подходят.

– Подходят? – Глаза Джезала широко распахнулись от удивления, но это не шло ни в какое сравнение с удивлением фермера Худа.

– Эти условия еще хуже того, что нам предлагали в прошлый раз! – вскричал он. – Перед тем, как мы обратили в бегство войско Финстера. Ты говорил, что мы не согласимся ни на что, кроме земельного надела для каждого.

Дубильщик поморщился.

– Так было раньше.

– Так было раньше? – повторил Худ в изумлении. – А как насчет честной оплаты за

честный труд? А что с долей прибыли? С равными правами любой ценой? Ты стоял вон там и обещал мне это! – Он показал рукой в сторону долины. – Ты всем это обещал. Что изменилось, кроме того, что до Адуи рукой подать? Мы можем получить все, что пожелаем! Мы можем...

– Я сказал, что эти условия нам подходят! – взревел Дубильщик с неожиданной яростью. – А если хочешь, сам сражайся с войсками короля. Они шли за мной, а не за тобой, Худ, если ты до сих пор не заметил.

– Но ты обещал нам свободу! Всем и каждому! Я доверял тебе! – На лице фермера отразился ужас. – Мы все тебе доверяли...

Джезаль никогда прежде не видел такого безразличного человеческого взгляда, какой был у Дубильщика в тот момент.

– Я должен был вести себя так, чтобы люди мне доверяли, – равнодушно ответил он, а его друг Хольст пожал плечами и устоял на свои ноги.

– Да будь ты проклят! Будьте прокляты вы все! – Худ повернулся и в гневе выскочил из палатки.

Джезаль услышал, как Байяз наклонился к майору Опкеру и прошептал:

– Арестуйте этого человека, пока он не покинул наше расположение.

– Арестовать, милорд? Но он пришел к нам в качестве парламентаря...

– Арестовать, заковать в железо и отправить в Допросный дом. Белый лоскут не защищает от королевского правосудия. Я надеюсь, наставник Гойл весьма искусен в ведении следствия.

– Э... Да. Конечно.

Опкер вслед за Худом вышел из палатки. Джезаль нервно улыбнулся. Дубильщик, конечно же, слышал, о чем говорили Байяз и адъютант командира, но он все так же посмеивался, словно будущее недавнего соратника больше его не волновало.

– Я должен извиниться за моего товарища. В таких делах трудно угодить всем. – Он с нарочитой величественностью взмахнул рукой. – Но не беспокойтесь. Я произнесу большую речь для маленьких людишек. Расскажу им, что мы получили все, за что боролись, и они разбредутся по домам, никому не причинив вреда. Кое-кто, возможно, не успокоится, но я уверен, вы их утихомирите без усилий, полковник Луфар.

– Ну да, конечно, – пробормотал Джезаль, не имея ни малейшего представления, что делать дальше. – Думаю, мы...

– Отлично! – Дубильщик бодро вскочил. – Боюсь, мне пора удалиться. Слишком много обязанностей. Ни минуты покоя, полковник Луфар! Ни минуты.

Он обменялся долгим взглядом с Байязом, а затем вынырнул из палатки на солнечный свет и исчез.

– В случае, если кто-нибудь спросит, – прошептал первый из магов на ухо Джезалю, – я скажу, что это были напряженные переговоры с умными и решительными оппонентами. Вы держались хладнокровно, напомнили им о долге перед королем и страной, убедили вернуться на поля, ну и так далее...

– Но...

Джезаль чувствовал, что вот-вот заплачет, настолько он был разочарован. Невероятное разочарование – и такое же невероятное облегчение.

– Но я...

– Только в случае, если кто-нибудь спросит.

Голос Байяза прозвучал резко, что означало конец разговора.

[Купить полную версию книги](#)